институт востоковедения

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

H

Н. Н. ПОППЕ

ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ РУКОПИСЬ НА БЕРЕСТЕ

В 1930 г. на левом берегу Волги, почти против Увека, близ сел. Терновки (Подгорного), на территории Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья, колхозниками, занятыми рытьем котлована для силосной ямы, была обнаружена в земле берестяная коробка, содержавшая небольшую рукопись, писанную на бересте. Рукопись была передана колхозниками в республиканский музей, находящийся в г. Энгельсе, откуда она была переслана на выставку в Государственный Эрмитаж в Ленинграде.

По сведениям, полученным из Саратова от научного работника А. А. Кроткова, вместе с рукописью были найдены костяное перо и бронзовая чашечка с остатками туши.

Далее, мы узнали от т. Синицина, присутствовавшего на нашем предварительном сообщении о результатах изучения рукописи, сделанном в Государственном Эрмитаже в начале 1938 г., что произведенное впоследствии археологическое обследование места этой находки обнаружило там остатки золотоордынского поселения, в нескольких километрах от которого находилось аналогичное поселение. Было также установлено, что рукопись, чашечка (очевидно служившая чернильницей) и перо были извлечены из погребения, датируемого XIV ст., но по археологическим признакам могущего быть отнесенным и к XV ст. Погребение это носит характер рядового погребения, не богатого и не знатного.

По получении рукописи в Государственном Эрмитаже была предпринята реставрация ее, заключавшаяся в очистке ее от земли, расправлении покоробившихся и слипшихся листков и в заделке их в целлулоид. Снятые с рукописи фотографии были переданы специалистам для определения языка, на котором она написана. На основании того, что рукопись писана уйгурским шрифтом, она была априорно определена сотрудниками Государственного Эрмитажа как уйгурская, однако, видевшие рукопись тюркологи могли обнаружить уйгурские слова лишь на некоторых фрагментах, значительная же часть рукописи и притом наиболее сохранившаяся была ими признана не уйгурской. Когда снимки с рукописи были переданы нам, мы установили, что значительная часть ее содержит монгольский текст, остальные же фрагменты были, на основании немногих сохранившихся и ясно читаемых слов, признаны уйгурскими также и нами.

Находка эта представляет большой интерес и притом для монголистов, вероятно, значительно больший, чем для тюркологов, ибо рукопись в одной своей части принадлежит к наиболее ранним памятникам монгольской письменности, и к тому же она была обнаружена в Поволжье, т. е. на территории Золотой Орды, являясь тем самым первой находкой этого рода. Это обстоятельство заставляет нас исследовать рукопись с большой тщательностью.

Ограничиваясь в отношении уйгурской части рукописи лишь небольшим описанием ее, мы основное внимание уделяем монгольской части рукописи, которую нам удалось полностью прочитать и перевести. Удалось восстановить даже некоторые поврежденные места текста. Забегая несколько вперед, укажем, что содержание монгольской рукописи образуют стихи, что несколько облегчает задачу дешифровки ее, так как, исходя из законов аллитерации, параллелизма и т. д., можно без особого труда восстановить ряд строк.

Всего рукопись состоит из 25 фрагментов, из которых 19 содержат текст с обеих сторон — на лицевой стороне и на оборотной, а 6 исписаны только с одной стороны. Монгольский текст содержат лишь 6 фрагментов, а остальные образуют уйгурскую часть рукописи. Как уже сказано выше, наибольшей сохранностью отличается монгольская часть рукописи, в состав которой входит несколько полностью сохранившихся страниц, размеры которых колеблются между 85×95 и 85×100 мм, из чего следует, что первоначальный формат рукописи был 85×95 (100) мм.

Сохраняя нумерацию фрагментов, данную им после реставрации в Государственном Эрмитаже, рассмотрим сцерва те из них, которые содержат текст на уйгурском языке, с тем чтобы перейти к основной теме нашей работы — к монгольскому тексту рукописи.

І фрагмент сохранил на лицевой стороне четыре строки, из которых первая содержит лишь одно слово, а именно egdilti 'был воспитан'. Остальные строки содержат какие-то имена собственные и титулы соответствующих лиц, напр., третья строка: tügel qutluy sengün bai 'Тугел Кутлуг Сенгун Бай' ('Совершенно Счастливый Сенгун богач'), где sengün является титулом, имеющим китайское происхождение. Этот фрагмент представляет собой правую часть листка, что видно по прямому обрезу справа. Левая часть не сохранилась.

II фрагмент сохранил на лицевой стороне шесть строк и семь строк на оборотной стороне. Сохранилась левая часть, т. е. начало листка, что видно по прямому обрезу налево. На лицевой стороне отчетливо читается почти в каждой строке повторяющееся слово qur 'пояс' и в пятой строке слово kümüš 'серебро'. Последнее видно и в пятой строке оборотной стороны.

III фрагмент очень плохой сохранности. Видны лишь следы двух строк на каждой стороне (лицевой и оборотной), а отчетливо читаются лишь некоторые знаки. Одна сторона листка оборвана, а другая цела, что видно опять-таки по прямому обрезу.

¹ W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928, crp. 292.

IV фрагмент тоже плохой сохранности. Видны лишь следы трех строк, из которых первая сохранила несколько ясно читаемых знаков. Правая часть листка представляет собою конец его. Левая же, т. е. начало, не сохранилась. На оборотной стороне этого фрагмента не написано ничего.

V фрагмент содержит текст на обеих сторонах. На лицевой стороне сохранились две строки, на оборотной — четыре. Прямой обрез слева лицевой стороны показывает, что это начало листка. На лицевой стороне мы ясно читаем во второй строке birle etilir 'делается при помощи' (того, к чему относится birle; соответствующее слово не сохранилось). На обороте в первой строке ясно читается köŋgül 'сердце', во второй строке — edgü baqšī 'хороший учитель'.

VI фрагмент очень плохой сохранности. Он представляет собой части двух сшитых листков. На обеих сторонах сохранились лишь следы отдельных строк.

Под номером VII идут два небольших фрагмента, представляющих собою лишь кусочки листков. На них видны лишь отдельные знаки.

VIII фрагмент несколько лучшей сохранности. На одной стороне видны следы четырех или пяти строк, с другой — отчетливо сохранились пять строк.

IX фрагмент содержит на лицевой стороне две первые строки. Вторая часть утрачена. На оборотной стороне сохранились три последние строки. Во второй строке на лицевой стороне фрагмента отчетливо читается belige qur quša 'повяжи пояс на своей талии!'.

Х фрагмент очень плохой сохранности. Он представляет собой части двух смежных сшитых листков, из которых лишь левая часть сохранила следы четырех строк, т. е. последних четырех соответствующей страницы. На оборотной стороне текста нет.

XI фрагмент средней сохранности. Хотя он в середине прорван, он представляет собою почти полностью сохранившийся листок рукописи. Более или менее прямые обрезы с обеих сторон показывают, что сохранились как начало, так и конец листка. На лицевой стороне сохранилось восемь строк, на обороте — шесть, т. е. полное количество их. Отдельные слова читаются ясно, напр., на лицевой стороне во второй строке külgen смеявшийся, на оборотной стороне во второй строке qilmasun 'пусть не делает!'

Этот фрагмент представляется нам наиболее ценным, так как пятая строка оборотной стороны писана знаками так называемого квадратного письма, введенного императором Хубилаем в 1269 г. и бывшего в употреблении, судя по дошедшим до нас памятникам, до 1351 г. Эта единственная строка, писанная знаками квадратного письма, делает возможной приблизительную датировку рукописи, относимой нами к началу XIV в.

В этой строке мы читаем ral-baq-ši-č'a, где baq-ši — целое слово, со знаэнием 'учитель'. Начальный слог ral-, вероятно, конец имени, а конечный глог c'a — начало следующего слова.

В последней строке оборотной стороны мы читаем tngri yin, что является монгольской формой генитива от tngri 'тенгри', 'небожитель'.

XII фрагмент представляет собою часть сшитых по середине, сильно поврежденных листков, на которых можно с трудом разглядеть следы строк.

XIII фрагмент тоже сильно поврежден и представляет собою лишь незначительную сохранившуюся часть листка, исписанного с обеих сторон. На лицевой стороне сохранились три строки, на оборотной — неполные четыре. Отдельные слова читаются ясно.

XIV фрагмент сильно поврежден. На одной стороне его сохранились неполные четыре строки. Немногие сохранившиеся слова читаются с трудом.

С некоторой уверенностью мы читаем слово во второй строке, как bosumla 'груша'. 1

XV фрагмент несколько лучшей сохранности. Здесь сохранились довольно хорошо семь строк на каждой стороне — на лицевой и на оборотной. Лицевая сторона представляет собою начало страницы, а оборотная — конец. Многие слова сохранились вполне ясно и читаются без труда

Так, на лицевой стороне в разных строках повторяется слово oylan 'юпоша', 'мальчик', 'слуга', а стоящие перед ним слова могут быть именами собственными. На оборотной стороне мы ясно читаем в пятой строке čekmen ton 'суконное одеяние'.

XVI фрагмент тоже хоронкей сохранности и представляет собою почти целый листок. На лицевой и оборотной сторонах сохранилось целиком по шесть строк, т. е. повидимому все строки. На лицевой стороне перечисляются какие-то реки: много раз под ряд встречается слово *ügüz* река, которому каждый раз предшествует название соответствующей реки.

На оборотной стороне в пятой и шестой строках повторяется ясно читаемое слово tarqan 'тархан' (золотоордынский титул).

XVII фрагмент плохой сохранности. Видны лишь следы пяти строк. Оборотная сторона не уцелела.

XVIII фрагмент несколько лучшей сохранности. На лицевой стороне уцелели пять строк и столько же на оборотной. Однако на лицевой стороне отпечатались под влиянием сырости отдельные слова и знаки с другого листка, что несколько затрудняет чтение. На оборотной стороне мы уверенно читаем в четвертой строке слово emčeki 'ero (resp. 'ee') соски'.

Сделанные замечания относительно отдельных фрагментов уйгурской части рукописи носят самый общий и поверхностный характер. Полагая, что эта часть рукописи привлечет внимание специалистов, мы ограничиваемся сказанным.

Для нас было достаточно отделить монгольские фрагменты, и на основании отдельных с уверенностью прочитанных слов уйгурской части рукониси нам удалось установить, какие из них относятся к уйгурской части. После этих предварительных замечаний мы переходим непосредственно к монгольской части рукописи.

Свое исследование монгольской части рукописи мы строим по следующему плану: сперва даем разбор отдельных фрагментов рукописи, затем делаем опыт полного, насколько это возможно, восстановления первона-

¹ См. словарь Радлова, т. IV, 1294.

чального текста и, наконец, делаем вытекающие из изучения рукописи лингвистические и культурно-исторические выводы.

Рукопись — фрагментарна. Тем не менее значительную часть текста, представляющего собою стихи, восстановить удается.

При восстановлении текста отдельных фрагментов мы заключаем все восстановленные слова и строки в [], а при вторичном восстановлении полного текста, мы заключаем все наши дополнения, относящиеся к совершенно утраченным частям рукописи, в [[]].

Монгольский текст состоит из шести фрагментов. Фрагментам нами дана нумерация XIX—XXIV. По описи Государственного Эрмитажа фрагменты монгольского текста числятся за № 19 и сл. (табл. XIX и сл.).

ЧТЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ

Фрагмент XIX

(Равмеры: 90×85 мм)

Лицевая сторона XIXa

Монгольский текст								
1	2	3	4	5	6			
שייות של ז אדם מונסשם	מסצינושם שפלועם של שעי ל	٠٠٠ من في ميل ١٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠	ייי פשם הבבהאם באחו ייייי	80	g			

Транскрипция

1.	aγsan ejen-e¹ inu qamuju²
2.	quriyaju abtaqu či ċaγ-a³
3.	inu 4 buraqan 5 ejen6
4.,	uju 7 kürbesü bosa 78
5.	bo9
6	ad 10

ПРИМЕЧАНИЯ

 $^{^1}$ Начальный e передается в нашей рукописи в ряде случаев особым начертанием, состоящим из двух зубцов, вроде того как обычно передается

- в монгольском письме a. Конечный e в слове ejen-e (dativus-locativus от ejen 'властитель', 'господин') сильно загнут и пишется так же, как «откидное» a, напоминая слегка знак для i в более новых рукописях.
- ² Слово *qатији* в средней своей части читается не совсем ясно, так как слог *ти* несколько расплылся и представляет собою темное пятно. Слово *qатији* представляет собою соединительное деепричастие глагола *qamu*'убирать', 'собирать в одно', 'прибирать', 'забирать', 'захватывать'.
- ³ Слово *čаү-а* встречается на протяжении всей рукописи. Значение его 'дитя', 'дитятко', 'мальчик'. Слово это малоупотребительно в языке классической письменности.
- ⁴ Слоги *inu* представляют собой конец слова *minu* 'мой', относящегося к *čаү-а* 'дитя' предыдущей строки. Слово *čаү-а* на всем протяжении текста рукописи имеет везде определение *minu* 'мое'.
- ⁵ Обращает на себя внимание написание buraqan, чему в монгольской письменности соответствует более правильное написание burqan 'будда', 'бог': лишним оказывается а после r. Здесь buraqan является определением к ejen 'властитель'. Мы переводим buraqan ejen как 'божественный властитель'.
- ⁶ Слово *еўеп* обрывается: отсутствует окончание dativi-locativi, которое следует здесь предполагать не только по общему смыслу контекста, но и на том основании, что это окончание наличествует во всех других аналогичных местах рукописи, содержащих паралдельные стихи.
- ⁷ Слоги ији представляют собою конец какого-то слова, по форме являющегося соединительным деепричастием. Относится оно к kürbesü 'если достигнешь', 'когда достигнешь'. Сочетание..... ији kürbesü значит 'если делая то-то и то-то достигнешь'.
- ⁸ Слово bosay обрывается: отсутствует конечное a. Слово bosay-a значит 'порог'. В классической письменности ему соответствует bosuy-a, с u во втором слоге. Так как гласные непервых слогов в живой речи являются редуцированными, правописание их в разных памятниках, как старых, так и новых, подвержено колебаниям.
- ⁹ Вся пятая строка сильно повреждена и прочесть можно только слог bo, который мы считаем цервым слогом слова bosay-a. Мы восстанавливаем слово bosay-a на том основании, что имеем его в предыдущей строке. Текст рукописи содержит, как уже сказано выше, стихи. Сопоставляя разные фрагменты, мы устанавливаем наличие следующих стихов, заключающих в себе параллельные строки:
 - XXB 7. jebe dora unaju ög jebe dora unaba 'упади под острием! Упал под острием'; XXIa 2—3. arqayun dora una'u ög arqayun dora unaju

агдаүип дога инаўи

упади под перекладиной!

Падая под перекладиной;

XXI6 4—5. ...a dora unaju ög q... ...a dora unaba 'упади под...! Упал под...'

Как видно, за фразой «упади под тем-то и тем-то!» следует фраза «упал под тем-то и тем-то» (повторение названия соответствующего предмета). Это позволяет нам предложить следующего рода реставрацию текста строк 4—6 первого фрагмента: bosay[-a dora unaju ög] bo[say-a dora unaba] чиади под порогом! Упал под порогом.

¹⁰ На шестой строке можно разобрать знаки для *ud*. Восстановить это слово с уверенностью мы не беремся.

Восстановленный текст

- 1. aysan ejen-e inu qamuju
- 2. quriyaju abtaqu či čay-a
- 3. [m]inu buraqan ejen[-e inu]
- 4.uju kürbesü bosaγ[-a dora
- 5. unaju ög] bo[saγ-a dora
- 6. unaba]... ud....

Перевод

- 1. Будучи забираемо бывшим властителем и
- 2. собираемо, будешь взято ты, дитя
- 3. мое. Божественного властителя
- 4. когда. . . достигнешь, [под порогом
- 5. упади! Под порогом

Оборотная сторона XIXб

Монгольский текст

1	2	3	4	5
ا عو معران، عو دسون،،،	۰۰۰ وغىرغىرە بېڭسىسمىتى ،،،،،،	عطر المحدد	مدودعق سوگسو =ن عسرا	المراجع المحادث المحاد
ም	ৰু	~	4)	•
刺	ৰ্	z	ag Qui	7
:	Sp. Carlo	:	병	æ
Å	10110	:	¥	1
4	•	•	7	150
•	:	•		മ
•	-	•		

Транскрипция

... ù ¹ ül... jü ² yaγu....³
 ... btegdekü ⁴ budangγadču ⁵.... 6
 ejen-e inu ²...... 8
 ire ï abtaqu či čaγ-a
 minu. erdem-tū sayin itelgü 9

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Поврежденное слово. Разобрать можно только *ји*, что по окончанию является деепричастием соединительным какого-то глагола.
- ² Это слово тоже повреждено. Ясно читаются ül...jü, что по форме является деепричастием соединительным. Таким глаголом может быть üle-, 'оставаться'. Слово это мы восстанавливаем как ülejü 'оставаясь'.
- 3 После уауи 'что' должно следовать какое-то слово, так как до нижнего (оторванного) края страницы остается достаточно места. Следующая строка начинается со слова, восстанавливаемого как kebtegdekü 'следует лежать' от глагола kebte-'лежать', играющего здесь роль вспомогательного глагола. Однако, привлекая для сравнения все аналогичные места, мы приходим к выводу, что оставшееся ниже слова уауи место было оставлено незаполненным. В самом деле, мы имеем следующие случаи:
 - XXв 8. kürčü yayu kebtegdekün 'зачем достигать?';
 - XXIa 4. kürcü yayu ke[btegdekü] id.;
 - XXI6 6. üjejü yayu kebtegdekü 'зачем смотреть?'.

Из этого сопоставления вытекает, что строки 1—2 оборотной стороны первого фрагмента должны быть восстановлены как. . . ül[e]jü yayu kebtegdekü 'u зачем оставаться?'

- 4 Первое слово второй строки повреждено: сохранилось лишь btegdekü, что может быть восстановлено только как kebtegdekü, форма долженствования глагола kebte- 'лежать', здесь и в дальнейшем играющего роль вспомогательного глагола.
- ⁵ Слово budangyadču представляет собою соединительное деепричастие от budangyad. В письменном монгольском языке имеется слово budungyui 'мутный', 'помраченный', 'глупый'. Отсюда образован глагол budangyad-'помутиться, омрачиться'. В оригинале мы имеем здесь во втором слоге а, что объясняется неустойчивостью написаний гласных непервых слогов, о чем уже говорилось в примечании восьмом к лицевой стороне фрагмента.
- ⁶ За словом budangyadču имеется достаточно места, где следует предполагать во всяком случае одно слово. В следующей строке первым словом идет ejen-e inu, следовательно, между budangyadču и ejen-e inu должно быть какое-нибудь слово. Синтаксически таким может быть только причастие, ибо деепричастие budangyadču само по себе не может быть определением к имени. Таким причастием может быть aysan 'бывший', и, действительно, после budangyadču виден знак, похожий на a, представляющий собою пер-

вую букву поврежденного слова. Вторую и третью строки мы восстанавливаем поэтому так: budangyadču [aysan] ejen-e inu 'к властителю, бывшему омрачаясь', т. е. 'к омрачавшемуся властителю'.

- ⁷ Слова *среп-е inu* читаются с трудом.
- ⁸ За *inu* должно следовать еще какое-то слово. На следующей строке первым идет *irejü* 'приходя'. Сопоставляя разные места рукописи, мы можем предполагать здесь деепричастную форму соединительную какого-то глагола. Ср. следующие строки:

XIXa 1—3. aysan ejen-e inu qamuju quriyaju abtaqu či čay-a minu бывшим властителем, будучи забираемо и собираемо, будешь взято ты, дитя мое';

XXг 1—2. jayayatu sayin ejen-e inu jarčilaju erijü abtaqu či čay-a minu судьбою данным прекрасным властителем, на службу, будучи разыскиваемо, будешь ты взято, дитя мое'.

На основании этого сопоставления мы восстанавляваем строки 2—5 оборотной стороны первого фрагмента следующим образом: budangradču [arsan] ejen-e inu [...ju] irejū abtaqu ċi čar-a minu ...'и приходя к омрачавшемуся властителю, бурешь ты взято, дитя мое'. Деепричастие какого глагола должно предшествовать слову irejū 'приходя', — сказать, конечно, невозможно, и мы не беремся его восстанавливать. Так как слово это должно аллитерировать с budanradču, оно должно начинаться слогом bu.

⁹ Слово *itelgü* имеет значение «кречет». Здесь, очевидно, мать обращается к сыну, называя его кречетом.

Восстановленный текст

- 1. ju ül/e/jü yayu
- 2. [ke]btegdekü budangyadču [aysan]
- 3. ejen-e inu $[bu \ldots ju]$
- 4. irejü abtaqu či ċaγ-a
- 5. minu. erdem-tü sayin itelgü

Перевод

- 1. и зачем
- 2. оставаться? К омрачавшемуся
- 3. властителю и
- 4. приходя, будеть ты взяго, дитя
- 5. мое. Достойный и прекрасный кречет!

Фрагмент ХХ

(Размеры: 85×155 мм)

Фрагмент этот представляет собою обрывок двух соединенных (сшитых) между собою листков книги. На левом обрывке, на лицевой стороне, можно разобрать только одну строку, остальные же не сохранились, хотя следы их видны. Правый обрывок содержит на лицевой стороне четыре строки. На оборотной стороне можно прочесть: на обороте левого обрывка — восемь строк, на обороте правого — тоже восемь строк.

Лицевая сторона ХХа—ХХб

Левая часть ХХа

	Монгольский текст							
1	2	3	4	5	6			
•	•	•	•	-	4			
•	•	•	•	•	₫,			
-	•	•	•	-	4.			
•	•	•	-	•	سفيعييكفن			
•	•	•	•	•				
•	•	•	•	•	33			
-	•	-	•	•	A ST			
•	•	-	-	•				
•	•	•	•	•	る			
•	•	-	•	•	10497			
•	•	•	•	•	~			
•	•	•	-	•				
•	-	•	•	•				
•	•	•	•	•				
•	•	•	•	•				

Транскрипция

6. ayuljaldui 1 kemejü egüsbe

примечания

1 С трудом разбирается ayuljaldui, что мы восстанавливаем как ayuljaldui-a (ayuljalduy-a). Слово это не дописано. Оно является формой обращения 1-го л. мн. ч. от ayuljaldu- 'встретиться'.

Перевод

6. Встретимся!, говоря, отправился.

Прав	ая	часть	XXб				
Монгольский текст							
1	2	3	4				
4	¥	-	•				
_	4	•	•				
李	_	-	•				
3	45	4	4				
d)	<u> </u>	इ	_				
A	4	മ					
ÿ	ð	<u> 1</u>	Ч				
4	ĝ	~	•				
zziejye	4	-	•				
*	ð	-	•				
4)		-	•				
		•	•				
		•	•				

Транскрипция

- 1. da 1 egerejü 2 kürčü irebesü
- 2. egüden 3 dora 4 yayu qordaqu 5
- 3.anda 6 kümün-e....
- 4. $qu^7 \dot{c}i \dot{c}a^8$

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Слог da представляет собою конец какого-то слова, окончание dativilocativi. Мы полагаем, что это слово должно обозначать того, к кому должен прибыть сын, к которому обращается данный стих. Окончание -da(-ta) часто наблюдается в составе наречий, типа nasuda 'всегда', urtuda 'долго', egüride 'постоянно', а поэтому здесь можно предполагать также какоенибудь обстоятельственное слово.
- ² Слово *egerejü* деепричастие соединительное глагола *egere*-. Существуют два глагола *egere* (омонимы): 1) 'усиленно просить', 'домогаться', 'надеяться'; 2) 'вертеть', 'обступать', 'возвращаться'. Установить, который из двух глаголов мы имеем в данном случае, очень трудно, ибо контекст в равной степени допускает переводы «когда достигнешь, надеясь» и «когда достигнешь, возвращаясь». Условно мы переводим все же «надеясь».
- ³ Как слово *egerej*ü, так и *egüden* имеют вначале знак для *e* в виде двух зубцов.
- ⁴ Слово *dora* всюду пишется с одним o, в классической же письменности оно имеет всегда два o.
 - 5 Слово qordaqu (= письм. монг. qoruda-) значит «огорчаться».
- 6 Слово anda, читаемое с неуверенностью, является определением к kümün-е 'человеку'. Значение anda 'друг', 'побратим', 'клятвенный', 'заклятый'. Здесь возможно любое значение этого слова, т. е. 'к дружественному человеку', 'к побратиму-человеку', 'к человеку, с которым связан узами побратимства', 'к человеку, с которым связан клятвой' и 'к заклятому человеку'.

Последнее значение здесь тоже может подходить, и все это место может пониматься следующим образом: «ты[отправишься, дитя мое,] к заклятому человеку», т. е. что сын отправится к человеку, не к дружественному, не к побратиму, но, наоборот, к заклятому врагу, в отнощении которого этот сын связан с другими людьми узами клятвы кровной мести.

- 7 qu является окончанием oduqu в контексте [odu] qu $\check{c}i$ $\check{c}a[\gamma$ -a minu] $^{\circ}$ отправишься ты, дитя мое $^{\circ}$.
- ⁸ На основании сказанного в прим. 6 мы восстанавливаем čа как сау-а minu 'дитя мое'.

Восстановленный текст

- 1.da egerejü kürčü irebesü
- 2. egüden dora yayu qordaqu
- 3. anda kümün-e....
- 4. [odu]qu či ča[γ-a minu]

Перевод

- 1. с надеждой когда ты достигнешь,
- 2. под дверью зачем огорчаться?
- 3.к побратиму (resp. к заклятому)
- 4. [отправишься] ты [дитя мое].

Оборотная сторона ХХв-ХХг

Левая сторона ХХв

		Mo	нгольс	кий те	екст		
1	2	3	4	5	6	7	8
-	•	-	A	₹	₹	4	•
•	•	•	4	矛	1	3	-
•	•	-	uozomo	<u>a</u>			L
-	•	•	a)		4	昇	3"
	•	•	1	đ		4	Ф
-	1	•	₹,	Samo	ゔ	đ	4
•	₹	•	A.	4)	_	1	1
-	1	-	2	<u>አ</u>	4	(1)	Ф
-	-	9	as of the			2	OKT JO
-	•	•	<u>ar</u>	1	P		纵
•	-	•	•	ر ا	क्रम <u>ा</u> क	1	4
•	•	-	•	ሐ			₿
•	•	-	•	ЯI	7	扌	_
•	•	•	•	•	ф	2	த
-	•	-	-	Ð	•	4	3
-	•	•	-	•	•	Ä,	phybag
-	-	•	-	-	•	ヹ゚	

T paнс κ pun ψ us

1.	• • • • • • • • • • • • • • • • • • • •
2.	$\dots \dots g^1$ sayin
3.	· · · · · · · · · besü ² · · · · · · ·
4.	qordaqu³ jalayus⁴ köbegüd⁵
5.	samaryun 6 oduqu či čay-a mi.u7
6.	sayin jayalmai-a ⁸ jaju ⁹ kürčü irebe ¹⁰
7 .	jebe dora unaju ög jebe dora unaba
8.	mejü 11 jalidču 12 kürčü yayu kebtegdekür

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая строка не сохранилась. Плохо сохранилась вторая строка. Виден конечный знак для g, конечного согласного какого-то слова. За ним идет sayin 'хороший'. Слово sayin встречается как определение 1) при слове, которым мать называет своего сына, и 2) при слове ejen-e 'властителю'.

Приведем соответствующие места.

XIXб 5. erdemtü sayin itelgü 'достойный и прекрасный кречет';

XXB 6. sayin jayalmai-a jaju kürcu irebe[sü] '0 прекрасный ястреб, когда ты достигая придешь';

XXr 1—2. jayaγatu sayin ejen-e inu jarčilaju erijü abtaqu či čaγ-a minu данным судьбой прекрасным властителем будешь ты взято на службу, будучи разыскиваемо, дитя мое';

XXIIб 1—3. ...[sayi]n ejen-e inu... kürbesü adayirtu tergen dora yayu qordaqu 'когда ты... достигнешь... [прекрасного] властителя, зачем огорчаться под досчатой телегой?'

Для того чтобы решить, к какому отсутствующему во фрагменте слову относится sayin, необходимо установить, какие места рукописи представляют собою параллели к данному месту. Нетрудно заметить по немногим сохранившимся словам первых четырех строк фрагмента, что это место ближе всего к XXII6 1—3 [sayi]n ejen-e inu. . . . kürbesü adayırtu tergen dora yayu qordaqu (когда ты. . . достигнешь. . . [прекрасного] властителя, зачем огорчаться под досчатой телегой? в нашем фрагменте мы имеем слова sayin . . . besü qordaqu, т. е. те же слова, что в XXII6 1—3. На этом основании мы восстанавливаем первые четыре строки нашего фрагмента следующим образом:

-g sayin [ejen-e inu].....
 [kür]besü.... [dora yayu]
 qordaqu и т. д.
- ² Слоги besü нами восстанавливаются по соображениям, высказанным в прим. 1, как kürbesü. За этим словом видны очертания еще одного слова, а далее страница обрывается. Это неразборчивое слово мы с неуверенностью читаем как tergen 'телега'. Что же касается слова, которое должно было находиться после предположительного tergen, то таковым могло быть только dora 'под', за которым должно было следовать еще уаүи 'зачем'. В предыдущем примечании было показано, что перед qordaqu стоят слова dora уаүи qordaqu 'зачем огорчаться под. . .?'

Приведем еще одну параллель:

XX6 2. egüden dora yayu qordaqu 'зачем огорчаться под дверью?' Как видно, перед qordaqu во всех случаях имеем yayu 'зачем', а перед yayu сочетание названия какого-нибудь предмета с dora 'под'. Это дает нам право восстанавливать наш фрагмент следующим образом:

- ³ Слово qordaqu уже объяснено выше в прим. 5 к XXб как «огорчаться».
- ⁴ Читается довольно ясно *jalayus*, форма множественного числа от *jalayu* 'молодой', 'молодец', 'юноша', а также 'раб', следовательно, может быть переведено как 'молодые', 'юные', 'юноши', 'молодыы' или 'рабы'.
- ⁵ Слово köbegüd читается довольно ясно. Неуверенность мы испытываем лишь в отношении конечного знака: одинаково возможны köbegüd и köbegün.

Слово köbegün значит 'мальчик', 'отрок', 'сын', а также 'раб'; köbegüd — форма множественного числа. Мы склоняемся в пользу чтения köbegüd, так как перед тем имели jalayus 'юноши', 'молодцы' и т. д. тоже во множественном числе. Синтаксически jalayus и köbegüd—равные друг другу члены предложения и поэтому естественнее всего было бы ожидать формы множественного числа как здесь, так и там.

После k"obeg"ud страница обрывается, но до нижнего края остается еще много места, где могли бы поместиться, во всяком случае, два слова. Пытаясь их восстановить или приблизительно определить, какие это были слова, мы должны исходить из следующей, пятой, строки. Там мы читаем: $samar\gamma un$ oduqu $\'evica\gamma - ami[n]u$ 'ты отправишься в смятении, дитя мое', из чего следует вывод, что впереди стоящие слова $\it jala\gamma us$ $\it k\"obeg\"ud$ 'юноши', 'мальчики', resp. 'рабы' должны быть в дательно-местном падеже, т. е. $\it jala\gamma us$ $\it k\"obeg\"ud[t\"ur]$. . . $\it samar\gamma un$ oduqu $\it evic ci$ 'ты отправишься в смятении к юношам, к мальчикам' (resp. 'рабам'). Полную аналогию этого места представляет собою XXII6 4—5: $\it \gamma artu-da$ $\it samar\gamma un$ odu[qu] $\it evic ca\gamma - aminu$ 'ты отправишься в смятении к обладающему рукой' ('руками').

6 Слово зататуип — деепричастие слитное глагола зататуи-, встречающегося в рукописи несколько раз. В письменно-монгольском языке имеются слова, образованные 1) от той же основы зата-: затауи — затауип беспорядок, замещательство, расстройство, расстроенный, смутный, беспутный; 2) от основы зати-(с и||а): затиса- спутываться, перепутываться, затига- мещать, перемещать; 3) от основы зат- (с нулем): затаграссеиваться, разрушаться, тратиться; затвіуиl- тратить, растратить, чстреблять; затвіуа- ід. Таким образом можно установить основы зата-||зати-||зат-. От первой из них образован глагол затагуи-.

Глагол $samar\gamma u$ - мы переводим 'расстраиваться', ибо близкие значения присущи всем перечисленным выше словам: «замешательство», «расстроенный», «спутываться», «перемешивать», «разрушаться» и т. д. Все образования от основ sama-||samu-||sam- имеют значение «расстраиваться», «приходить в расстроенное состояние» и т. п.

Глагол затагуи- встречается в следующих контекстах:

XXв 5. samaryun oduqu сі сау-а тіпи ты отправишься, расстраиваясь, дитя мое;

XXII6 4—5. γartu-da samarγun odu[qu] ċi čaγ-a minu 'ты отправишься, расстраиваясь, дитя мое, к имеющему... руки';

- ⁷ *mi. .u.* . . легко восстанавливается как *minu* 'мой'.
- ⁸ Слово *jayalmai-а* значит 'ястреб'. Частица а представляет собою частицу обращения. Сочетание *jayalmai-а* 'о прекрасный ястреб' является параллелью к XIXб 5. erdem-tü sayin itelgü 'достойный и прекрасный кречет'. Здесь мать обращается к своему сыну, называя его ястребом.
- ⁹ Слово это ясно читается как jaju или $jej\ddot{u}$, но таких слов в письменном монгольском языке нет. По форме это деепричастие соединительное глагола ja- или je-. Можно, конечно, читать и ya- или ye-, но мы склоняемся в пользу ja- или je- на том основании, что здесь аллитерирующими слогами являются ja или je:

jaju kürčü irebe[sü] jebe dora unaju ög jebe dora unaba [ke]mejü jalidču kürčü yayu kebtegdekün 'Когда ты придешь, достигая. . . (?) упади под острием! Оттого, что упал под острием, зачем лукавить?'

Что касается слова jaju, то, как уже сказано, это — соединительное деепричастие глагола с основой ja-. Основа ja- в письменно-монгольском языке неизвестна, но в диалектах форма gaji употребительна в значении «в упор», «вплотную» (досл. 'делая в упор', 'делая вплотную'). Поэтому jaju можно, в соответствии с данными диалектов, перевести как 'вплотную' или 'решительно'.

Разбирая это слово, следует указать, что односложных глаголов с открытым слогом типа ja- в письменно-монгольском языке, за исключением глаголов a- и $b\ddot{u}$ - 'быть' и \ddot{u} - 'гнить', 'портиться', мы вообще не знаем. Небезинтересно также отметить, что глагол \ddot{u} - в живых монгольских языках имеет долгий гласный; ср. цонгольск. \ddot{u} - 'гнить'. Долгим является гласный основы «быть» в дагурском: ср. там $\bar{a}\gamma\dot{u}$ 'быть'.

Так как гласный односложных открытых глагольных основ является всегда долгим, следует полагать, что и в $\check{\jmath}a\check{\jmath}u$ гласный произносился как долгий, т. е. что основой является $\check{\jmath}\bar{a}$ -. Но это $\check{\jmath}\bar{a}$ - не имеет ничего общего с халх. $\check{\jmath}\bar{a}$ - 'показывать', 'указывать' = письм. монг. $\check{\jmath}i\gamma a$ - или с калм. $z\bar{a}$ - 'разделять', $kerag\ z\bar{a}$ - 'улаживать ссору' = письм. монг. $\check{\jmath}a\gamma a$ - (ср. письм. монг. $\check{\jmath}a\gamma a$ ldu- 'судиться', халх. $\check{\jmath}\bar{a}ld\check{a}$ - id).

- 10 Слово irebe обрывается. Мы его восстанавливаем как irebesü, условное деепричастие глагола ire- 'приходить'. Полную аналогию представляет собою фрагмент XXI6. . . .ejen-e inu simuryuju kürbesü. . . dora unaju ög.dora unaba kemejügü qaraju üjejü yayu kebtegdekü qaraju 'когда ты с решительностью достигнешь. . . властителя, упади под. . . Сказал, что упал под. . . Зачем глядеть и смотреть? Глядя. . .'. Как видно, XXIб оченьблизок к этому месту нашего фрагмента.
- ¹¹ Начало этой строки повреждено: видны лишь слоги *теў*й, что на основании приведенного в прим. 9 параллельного места легко восстанавливается как *кетеў*й, соединительное деепричастие глагола *кете* 'говорить'.
- 12 Слово jalidču читается ясно. По форме это деепричастие соединительное глагольной основы jalid. В письменном монгольском языке ей соответствует jalida- 'пылать', 'коварствовать', 'строить козни', 'лукавствовать'; в калм. zäl'd- 'воспламеняться', 'пылать', 'быть прекрасным'. Значение «лукавствовать» здесь хорошо подходит. Поэтому мы можем четверостишие перевести следующим образом:

'Когда ты прибудешь, достигая вплотную, упади под острием!

Оттого, что упал под острием, зачем лукавствовать?

Восстановленный текст

1
2 sayin [ejen-e inu]
3 [kür]besü [dora yayu]
4. qordaqu jalaγus köbegüd[-tür]
5. samarγun oduqu či čaγ-a mi[n]u
6. sayin jayalmai-a jaju kürčü irebe[sü]
7. jebe dora unaju ög jebe dora unaba
8. [ke]mejü jalidču kürčü yayu kebtegdekün
o. Litojinoja jattao a maro a gaja moo togacitan
Перевод
Перевод
Перевод 1
Перевод 1
Перевод 1
Перевод 1
Перевод 1

Правая сторона ХХг

		Mo	нгольс	кий т	екст		
1	2	3	4	5	6	7	8
cremon med and ?	ى عق متدعق مىوشىق عن	०० नमेरुमार्ग राज्यान्त्रकृत ज्ञाम	א ששט אין איצונין נוובניום	5 · · · · @xx5) · - 17 780	6 जूरी का	7	8
مدسي دمة عيم	Juny 7 - 12:00	المالي المالي المالي	Amb Amo	**************************************		state	

Транскрипция

- 1. jayayatu 1 sayin ejen-e inu jarčila
- 2. ju^2 erij \ddot{u}^3 abtaqu $\dot{c}i$ $\dot{c}a\gamma$ -a minu
- 3. altaqan 4 yuryuldai 5 čaya 6 inu eke

4.	elbür 7 eke-düriyen 8 qariyu dayu dayu 9
5 .	kürbe. eke elbür eke minu
6.	gergen 10 qa
7.	činu üsüke 11
8.	•••••

примечания

- ¹ Слово jayayatu значит «предопределенный судьбою, данный судьбою». Знак для t здесь такой, какой в более поздней письменности употребляется для d в закрытых слогах на конце слога.
- ² Слог ju относится к предыдущему слову jarčila и раздельное написание объясняется переносом. Написано это jarčila так, что может быть легко прочтено как jaičila: вместо r виден сильно загнутый книзу зубец, совсем как i. Но глагола jaičila-, соединительным деепричастием которого является наше jarčilaju, нет, а, кроме того, неслоговой i дифтонгов передается, как известно, не одним, но двумя знаками для i. Глагольная основа jarčila-представляет собою отыменный глагол с суффиксом -la-, образованный от jarči-. Последнее имеется в письменно-монгольском языке в значении «вестовщик», «состоящий на посылках» и является именем с суффиксом -či, образующим основы со значением профессий, от основы jar объявление; ср. калм. zar объявление, халх. заr открытый лист для путешественников, калм. zartši вестник, глашатай.
- ³ Слово *егіў*й представляет собою соединительное деепричастие глагола *егі* 'нскать', 'доискиваться', 'просить', 'домогаться', 'испрашивать'.
- ⁴ Ясно читаемое altaqan является уменьшительным на -qan от altan 'золотой', дословно как бы 'золотце', 'золотенький' и является определением к следующему.
- ⁵ Слово уштуцідаї читается довольно ясно. Словарь Голстунского объясняет его как «птица из рода куропаток», ставя его в связь с уштуці 'фазан'. Правильнее объяснено оно в словаре Ковалевского как название какой-то цевчей птички. Действительно, монголы называют словом yuryuldai (всегда с эпитетом altan 'золотой') соловья. Поэтому мы переводим это слово как 'соловей', а с уменьшительно-ласкательным altaqan 'золотой соловушко'.
 - 6 Слово сауа здесь написано слитно. Это то же, что сау-а 'дитя'.
- ⁷ Слово elbür встречается очень часто и всегда при eke 'мать', являясь определением, эпитетом последнего. Образовано оно от той же основы, что else- 'обходиться ласково', elberi- 'оказывать почтение родителям', т. е. от el 'согласие', 'мир'. Мы переводим его как «милая».
- ⁸ Обращает на себя внимание слитное написание суффиксов возвратного притяжания и дательно-местного падежа в eke-düriyen 'своей матери'.
- ⁹ Слово это кончается на следующей строке, но она в этом месте повреждена. Восстановить верхнюю часть пятой строки, однако, легко: там следует предположить слоги lar-a. Аналогию этого места представляет собою XXIII6 2—3: eke elbür eke [inu] qariyu dayu dayular-a [kürbe] 'его мать, милая матушка, начала петь ответную песнь'. Форма dayular-a так называемое деепричастие конечное и в современном языке значит «чтобы петь».

По происхождению своему это — форма dativi-locativi глагольного имени на r. Здесь оно в своем первоначальном значении «к пению» и вместе с $k\ddot{u}rbe$ 'достиг' может быть переведено как 'приступил к пению'.

¹⁰ Пестая строка сильно повреждена. Сохранилось лишь слово *gergen* 'жена', 'женщина', 'жены'.

¹¹ На седьмой строке можно прочесть только činu твой и üsüke, которое мы восстанавливаем как üsüken волосики. Все остальное невосстановимо.

Восстановленный текст

1. jayayatu sayin ejen-e inu jarčila-
2. ju erijü abtaqu či čaγ-a minu
3. altaqan yuryuldai čaya inu eke
4. elbür eke-düriyen qariγu daγu daγu-
5. [lar-a] kürbe eke elbür eke minu
6 gergen
7 činu üsüke[n]
8
Π еревод
110 posso
1. Судьбою данным прекрасным властителем на службу,
-
1. Судьбою данным прекрасным властителем на службу,
1. Судьбою данным прекрасным властителем на службу, 2. будучи разыскиваемо, будешь взято ты, дитя мое.
 Судьбою данным прекрасным властителем на службу, будучи разыскиваемо, будешь взято ты, дитя мое. Золотой соловушко, дитя ее, матери,
 Судьбою данным прекрасным властителем на службу, будучи разыскиваемо, будешь взято ты, дитя мое. Золотой соловушко, дитя ее, матери, милой матушке своей к пению ответной песни
 Судьбою данным прекрасным властителем на службу, будучи разыскиваемо, будешь взято ты, дитя мое. Золотой соловушко, дитя ее, матери, милой матушке своей к пению ответной песни приступил. Мать, милая матушка моя

Фрагмент XXI

(Размеры: 85×85 мм)

Лицевая сторона XXIa

	Монгол	ьский	текст	
1	2	3	4	5
12/1	Journ Str.	Thempl	9513511	•
रिक्तिगण्डि	<u>\$</u>	私	8	কু
	4	10mg)/	4	1
OFF ONE	\$	•	٠ ع	1
	~	-	-	-
		•	•	•

Транскрипция

- 1. ejen-e simuryuju 1 kürbesü 2
- 2. arqayun³ dora unaju ög
- 3. arqayun dora unaba4
- 4. ariyaju 5 kürčü yayu keb 6.....
- 5. ... tu ⁷ sayin ejen ⁸....

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Слово *simuryuju* представляет собою деепричастие соединительное от глагола *simuryu*-, в словарях письменного монгольского языка не засвидетельствованного, точное значение которого нам неизвестно. С выше встретившимся глаголом *samaryu* он не имеет ничего общего, так как гласным первого слога здесь является *i*, а во втором слоге *u*. Соединительное деепричастие глагола *simuryu* может быть сближено с бурятским *šumūhay* 'решительный', вследствие чего здесь допустим перевод 'будучи решительным', 'отваживаясь', 'решительно', 'с решимостью'.
- ² После *simuryuju* можно с большим трудом прочесть *kürbesü* 'если достигнешь'. От слова этого сохранились лишь едва видные очертания.
- ³ Слово arqaүun является формой genitivi от arqaү. В письменно-монгольском языке засвидетельствовано слово arqaү в значении «края, кромка ткани», ср. калм. arxvk id, тюрк. arqaq 'уток'.

Кроме того, монг. arqay имеет значение «тяжелая болезнь», ср. якутск. arxax 'недуг', 'болезненность', 'больной'. Наконец, в уйгурском словаре Махмуда Кашгарского мы находим слово arquq 'перекладина между двумя стенами или колоннами'. Последнее значение здесь подходит больше всего: 'упади под перекладиной!' В одном из стихов в другом месте мы встретили такую фразу: 'зачем огорчаться под дверью?' Как видно, дверь — перекладина хорошо подходят друг к другу.

4 Слово *unaba* 'упал' читается с трудом, но подтвердить это чтение нетрудно, так как аналогичные этому стихи содержат его. За словом *unaba* должно следовать еще одно. Мы восстанавливаем его как *kemejü* 'говоря' на основании следующего параллельного стиха:

XXI6 4—5. a dora unaju ög a dora unaba kemejügü и т. д. 'упади под ! Сказал что упал под. . .'.

- ⁵ Читается неясно *ariyaju*. Ср. в Юань-чао би-ши *ariyaxu* 'быть недоверчивым'. ¹
- ⁶ Сохранившееся *keb* мы восстанавливаем как *kebtegdekü*: ср. параллели, приводимые в прим. 3 к XIXб.
- ⁷ Слог tu является окончанием несохранившегося слова. Дальше идет sayin ejen. Следовательно. . . tu является определением к ejen: ср. XX г 1 jayayatu sayin ejen-e inu и т. д. 'к данному судьбой прекрасному властителю'. Так как в этом стихе аллитерируют слова, начинающиеся на а, следует полагать, что слово . . .tu начиналось тоже на а. Примерно, это могло быть ačitu 'заслуженный'.

¹ E. Haenisch. Wörterbuch zu Manghol un niuca tobca'an, crp. 9.

⁸ Слово *ејеп* обрывается. Мы восстанавливаем его как *ејеп-е inu* [°]к властителю³, ибо таких параллельных мест в тексте много.

Восстановленный текст.

- 1. ejen-e simuryuju kürbesü
- 2. arqayun dora unaju ög
- 3. argayun dora unaba [kemejü]
- 4. ariyaju kürčü yayu kebstegdekü
- 5. aci?/tu sayin ejens-e inu/

Перевод

- 1. Когда ты достигнешь с решимостью властителя,
- 2. упади под перекладиной!
- 3. [Оттого, что] упал под перекладиной,
- 4. зачем огорчаться?
- 5. Заслуженному (?) прекрасному властителю. . .

Оборотная сторона XXI6

	Mor	гол ьс1	кий те	кст	
1	2	3	4	5	6
-	•	₹	~	~	4
•	•	ङ्गा	Ą.	4	3
•	-	ā	1	1	3
•	ወ	grand g			ዎ
•	_		4	4	4
•	∄	Ä	d d	.ም	3
•	3	ᢨᢞᢐ		2	2
-		Ф	\$	₹n	2
•	4	4	J		وهفرهو
4	1	7	9	•	3
Ф			_	3	
11		•	_	7	Ã
7	-	•		Ф.	1
•	•	•	•		••
•	•	•	•		
•	•	_			

*Транскрипц*ия

- 1. $qu \ \tilde{c}^1$ 2. $u^2 \ qara\gamma un^3 \ ejen^4$
- 3. simuryuju ⁵ kürbesü qa ⁸.....
- 4. a dora unaju ög $q \dots$
- 5. a dora unaba kemejügü 7 qaraju
- 6. üjejü yayu kebtegdekü qaraju

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вся строка сильно повреждена. Видны лишь... $qu\ \check{c}$, которые мы восстанавливаем как $[abta]qu\ \check{c}[i\ \dot{c}a\gamma-a]$ или $[odu]qu\ \dot{c}[i\ \dot{c}a\gamma-a]$ (см. выше passim).
- ² Если предложенная в прим. 1 реставрация текста правильна, то *и* должно быть последним звуком слова *minu* чой.
- ³ Слово это читается неясно: отчетливо видны лишь qara. Слову qarayun в письменно-монгольском языке соответствует qarayu 'защита', 'заботливость', 'попечение'. Здесь qarayun определение к ejen.
- 4 Слово *ejen* обрывается. На основании вышеприведенных параллелей мы восстанавливаем его как *ejen*[-e inu] 'к властителю'.
 - ⁵ Слово *simuryuju* объяснено выше в прим. 1 к XXIa.
- ⁶ Слово это обрывается. Виден лишь слог qa. На следующей строке видно a, отдельно написанное, но относящееся к этому слову. Мы имеем, таким образом, слово qa. . .a. Дальше идет dora unaju ög 'пади под. . !'. Следовательно, это название предмета, под которым должен упасть сын, к которому обращается мать. На четвертой строке мы видим внизу q, а на пятой строке наверху опять отдельно от слова написанное a, т. е. имеем q . . . a, и дальше опять dora unaba 'упал под'. Нет сомнений в том, что qa . . .a и q . . .a одно и то же слово. Так как посде qa остается много места, слово должно быть довольно длинным. Просмотрев внимательно словари, мы пришли к выводу, что больше всего здесь подходит qa ya ya 'ворота'.
- ⁷ Слово *kemejügü* представляет собой форму прошедшего времени с суффиксом -*juyu* (-*jügü*), сохранившимся в языке монгольской письменности только в форме *ajuyu* глагола *a* 'быть', которому во всех остальных случаях соответствует суфф. -*juqui* (-*jüküi*).

Восстановленный текст

- 1. [abta]qu č[i čay-a
- 2. min]u qarayun ejen[-e inu]
- 3. simuryuju kürbesü qa[yaly]
- 4. a dora unažu ög q[ayaly]
- 5. a dora unaba kemejügü qaraju
- 6. üjejü yayu kebtegdekü qaraju

Перевод

- 1. Ты будеть взято, дитя
- 2. мое]. Заботливого властителя
- 3. с решимостью когда достигнешь,
- 4. под [воротами] упади!
- 5. Сказал, что упал под [воротами].
- 6. Зачем глядеть и смотреть? Смотря. . .

Фрагмент XXII

(Размеры: 85×95 мм)

Лицевая сторона XXIIa

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6	7
و مييس ميريدا دمويسدا مين ه	م موسدسم مور مدول عسر	م المن المناسبة المنا	" عدد استها هاسه المنظاء	، . ه . الا مسلام عمد وي الا	नम् १ सिकः	- नदर्भान्ते अमेरार नमेंद्रम् छ । । ।
3 3	بر بر	•	# 2	क्षे :	य ः र्क । प्रा	- - -

Транскрипция

- 1. kemelei¹ emgeg jobalang-dur² bu
- 2. dabariγda³ egüs degde⁴ ċaγ-a
- 3. minu tobčiyin 5 činu üs.... n 6
- 4. tong 7 altan bolyasu 8 kemele
- 5. $d \cdot r$ ada-dur g buu jol $\gamma^{10} \cdot \dots \cdot g$
- 6. $\check{c}a\gamma$ -a $minu \dots ri \dots n-u^{11} \check{c}in^{12} \dots$
- 7. üsün delekei 13 altan bo 14....

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Слово kemelei представляет собою форму прошедшего времени глагола keme- 'говорить'. В письменно-монгольском языке суффиксом является $-lu\gamma a$ (- $l\ddot{u}ge$), в живых языках -lai (-lei, - $l\bar{e}$). Здесь мы имеем интересную форму разговорного языка на -lei, разновидностью которой является форма kemele, встречающаяся дальше в четвертой строке.
- 2 Обращает на себя внимание написание начального d суффикса -dur dativi-locativi: по правилам классической письменности после конечных n, ng, l, m пишется ba.
- ³ Слово dabariyda является повелительной формой 2-го л. ед. ч. страдательного глагола dabariyda- от dabari-.
- В письменно-монгольском языке встречаются глаголы dabira- 'нападать', 'оскорблять' $||da\gamma ari$ 'задевать', 'обижать'; ср. $da\gamma ari\gamma da$ 'быть задету, подвержену'; ср. халх. $da\dot{e}r$ 'задевать', 'оскорблять', $da\dot{e}r du$ 'быть задетым', 'подвергаться'. Основа dabira- dabira- dabari- dabari- представляет

собою один из примеров чередования $b \parallel \gamma(g)$, напр., $debel \parallel degel$ 'шуба', $tobara\gamma \parallel toyora\gamma$ 'пыль' и т. п. К этому $dabari\gamma da$ - относится отрицание bu, которое мы восстанавливаем как buu, ибо так оно пишется на 5-й строке.

- 4 Слова egüs degde являются повелительными формами 2-го л. ед. ч. egüs 'отправляйся!', degde- 'взлети!' О слове egüs речь будет итти дальше в прим. 10 к XXIIIa.
- ⁵ Слово tobciyin представляет собою форму genitivi от tobči. Суффикс -yin написан слитно с основой. Слово tobči имеет следующие значения: «застежка, пуговица», «сосок груди»; «сокращение, сокращенное изложение»; ср. тюрк. (казахск.) topšuq 'боковая сторона груди', ср. еще письменномонгольское tobčilayur 'подзобок у птиц', tobčilayur-un yasun 'ключица', tobčiruu 'ключица'. Как видно из других параллелей, речь идет о том, что мать сделает волосики той или другой части тела своего сына золотом; ср. XXIIIб 7—8: ebčigün-ü činu üsüken egüdmel alta bolyasu 'волосики твоей груди сделаю отделанными золотом'. Слово tobčiyin несомненно тоже обозначает какую-нибудь часть тела, и, будучи сближаемо со словом «ключица», оно может быть переведено как «верхняя часть груди».
- 6 Слово üs. . . n дегко восстанавливается на основании XXIIIб 7—8 ebčigün-ü činu üsüken как üsüken 'волосики'.
 - 7 tong значит «совсем», «сплошь».
- ⁸ Форма bolyasu желательная 1-го л. ед. ч. В языке классической письменности суффиксу -su соответствует -suyai, но в рукописях XIV—XVII вв. формы на -su встречаются очень часто. Этому -su в живых языках соответствует - $s\bar{u}$: ср. цонгольск. - $s\bar{u}$, западно-бурятск. - $h\bar{u}$.
- ⁹ Слово ada-dur 'злому духу' представляет собою форму dativi-locativi. Обращает на себя внимание написание 34 вместо 34 классической письменности. Слово ada встречается в живых языках, напр., в бурятском, где так называются ведьмы, поедающие детей, своего рода женские вампиры. Перед ada стоит сильно поврежденное слово, оканчивающееся на r, а перед ним видно d. Так как стихи здесь начинаются на to, мы восстанавливаем без особого труда todqar 'напасти'.
 - 10 Слово $jol\gamma$ восстанавливается легко как $jol\gamma a$ 'встречайся!'.
- ¹¹ Сильно поврежденное слово. Из контекста видно, что это название какой-то части тела. Так как следующий стих начинается со слова delekei 'рассыпной', 'распространенный', оно должно начинаться на de или te. Таким словом могло быть terigün 'голова' и, действительно, можно прочесть знаки . . .ri . . .n-ü. Мы восстанавливаем это слово как terigün-ü.
 - 12 čin легко восстанавливается как činu 'твой'.
- ¹³ Слово delekei имеет в языке монгольской письменности значение «вселенная», «мир». Оно образовано от основы dele-: ср. delegü 'пространный', delge- 'расстилать'. Здесь delekei имеет значение «пространный», как в языке квадратной письменности (delegeé).
- ¹⁴ Слово повреждено. Сохранился лишь слог *bo*, но слово это легко восстанавливается как *bolyasu* 'сделаю'.

Восстановленный текст

- 1. kemelei emgeg jobalang-dur bu[u]
- 2. dabariyda egüs degde čay-a
- 3. minu tobčiyin činu üssüke]n
- 4. tong altan bolyasu kemele
- 5. [to]d[qa]r ada-dur buu joly[a]
- 6. čay-a minu [te]ri[gü]n-ü čin[u]
- 7. üsün delekei altan bo[lyasu]

Перевод

- 1. Сказала. «Увечьям и страданиям не
- 2. подвергайся! Отправляйся, взлети, дитя
- 3. мое! Груди твоей волосики
- 4. силошь золотом сделаю!», сказала.
- 5. «С напастями и злыми духами не встречайся,
- 6. дитя мое! [Головы] твоей
- 7. волосы рассыпанным золотом [сделаю]!»

Оборотная сторона XXII6

	М онгол	ьский	текст	
1	2	3	4	5
	ودكوبهو سمستخصع	دسق المحسس ،	ancore of hiteracl	以 1mm 7 4mg.
معط _{المعلق} .	Arroy Port		- · ·	the come
•		•	•	•
•		•	•	-

Транскрипция

- s....s...n¹ ejen-e inu²....
 kürbesü adayirtu³ tergen dora
 yayu qordaqu....⁴
 yartu-da⁵ samaryun odu....⁶
- 5. či čay-a minu alaya yuyan?...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Начало строки повреждено. Можно разобрать знаки для *s*...*n*, что легко восстанавливается как *sayin* 'прекрасный'.
- ² За *inu* должно следовать еще какое-то слово. Синтаксическая конструкция здесь требует деепричастной формы соединительной или слитной какого-нибудь глагола, восстановить которую не представляется возможным.
- ³ Слово adayirtu представляет собой имя на -tu от adayir: ср. письм.-монг. adayir 'тес', 'тонкие доски', бурятск.-агинск. $aD^a\bar{e}r$ 'полка'. Следовательно, adayirtu значит «тесовый», «досчатый» и является определением к tergen 'телега'. Слово adayirtu 'досчатый' написано размеры, т. е. d и t в обоих случаях передаются знаком Δ .
- 4 После qordaqu идет еще какое-то слово, но оно сильно повреждено. Оно является определением к γartu-da. Так как здесь стихи начинаются на a, это слово должно начинаться на a.
- ⁵ Слово γ artu-da dativus-locativus от γ artu 'имеющий руки'. Согласный t в γ artu передается знаком Δ . Обращает на себя внимание суффикс dativi-locativi -da, вместо письм.-монг. -dur.
- Слово *odu* представляет собой одну из форм глагола «уйти», «отправиться», но слово настолько повреждено, что прочесть его трудно. На концевидно *n*, а после *odu* видны очертания *q*. Синтаксически здесь допустимы любые повелительные, изъявительные и причастные формы.
- ⁷ За словом *авауа* "ладонь" видно еще какое-то поврежденное слово, читаемое нами как суффикс возвратного притяжания -учуап.

Восстановленный текст

- 1. s[ayi]n ejen-e inu . . .
- 2. kürbesü adayirtu tergen dora
- 3. yaru qardaqu [a]....
- 4. yartu-da samaryun odu[qu?]
- 5. či čaγ-a minu alaγa-yuγan . . .

Перевод

- 1. [прекрасного] властителя
- 2. когда ты достигнешь, под тесовой телегой
- 3. зачем огорчаться? К имеющему
- 4. руки в смятении отправишься
- 5. ты, дитя мое. Свои ладони...

Фрагмент XXIII

(Размеры: 85 × 95 мм)

Лицевая сторона XXIIIa

м онгольский текст	M	онгольский	текст
--------------------	---	------------	-------

1	2	3	4	5	6	7	8
مصعوبه مها عهى مها مينوا	יסהאתלפל יטו כל יסהאת שיבל שיבטין	لمحسى لالمسط عن عنهامي ١٠٠ دكورا	TORROT TOTOTOM PORRET TRAME	٠٠٠ ٩ ١٠٠ م ١٠٠ م ١٠٠٠ م	۰۰۰۰۰۰۰ مجوار	د گه صيسر ال طعك زود	של אייים של יייי לי מישה אם אייים
	~	~				-	-

Транскрипция

1. yorčisu eke elbür eke minu-a ²	
2. ölenggün³ ebes-ün ölengjire⁴ kürbe	
3. öner sadun 5 egü egüsür-e 6 rbe 7	
4. örüg ⁸ nuntuγ-turiyan ⁹ egüssü ¹⁰	
5 u 11 eke elbür eke minu	
6 $a k \ddot{u} r b e^{12}$	
7. $i \ldots da^{13} \ldots \ldots u\gamma la\gamma - a - dur^{14}$	$k\ddot{u}^{15}$
8. sayuqui 16 i yajar-tur 17	

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово yorčisu может быть прочтено и как jorčisu. Это—форма обращения к 1-му л. ед. ч. на -su (письм.-монг. -suyai) от yorči- 'ходить', 'шествовать', 'странствовать' = письм.-монг. jorči- id. В языке квадратной письменности это слово всегда дается в форме yorči-, а не jorči-, вследствие чего мы здесь предпочитаем чтение yorčisu, как более соответствующее данным языка XIII—XIV ст.

² Местоимение 1-го л. ед. ч. в форме генитива с частицей обращения.

- ³ Слово ölenggün форма генить ва от öleng = письм.-монг. ölüng 'мяг-кая трава', 'мурава', калм. ölg 'сочная трава', 'лужайка'. Относится оно к ebes-ün 'трава'. Слово ebes-ün = письм.-монг. ebesün здесь написано раздельно.
- 4 Слово ölengjire представляет собою форму конечного деепричастия на -ra (-re) от глагола ölengji-. Последний образован при помощи известного суффикса -ji- от öleng 'мягкая трава', 'мурава'. Глаголы на -ji- представляют собою так наз. глаголы усвоения, т. е. выражают приобретение выраженного основой или становление им, напр., письм.-монг. bayaji- 'разбогатеть' от bayan 'богатый'. Следовательно, ölengji- имеет значение «стать öleng, т. е. «вырастать» (о траве). Мы переводим поэтому глагол ölengji- вольно как 'сочнеть'.

Обращает на себя внимание сохранение формой конечного деепричастия первоначального значения dativi отглагольного имени: достигла сочности, достигла того, что стала сочной.

- ⁵ Слова öner и sadun в языке монгольской письменности встречаются: öner (там всегда önür) 'многосемейный', sadun 'друг', 'близкий человек'. Мы рассматриваем öner sadun как парное слово, как бином и переводим 'близкие друзья'.
- ⁶ Слово *egüsüre* написано дважды: начав его писать и написав *egü*, писавший оставил его в недописанном виде, так как оно расплылось, и написал его вторично в более совершенном виде. Начальный *e* передается двумя зубцами, как *a* в более поздней монгольской письменности. Слово это представляет собой форму конечного деепричастия на *-ra* (*-re*) от *egüs-* (см. дальше прим. 10).
 - ⁷ Остаток слова kürbe 'достиг', восстанавливаемого с легкостью.
- ⁸ Слово *отйд* в языке монгольской письменности не засвидетельствовано. Из контекста видно, что это определение к *пиптиу-turiyan* 'на свою родину'. В уйгурском языке имеется *отйд* в значении 'светлый', 'приветливый', которое этимологически, вероятно, связано с письм.-монг. *отйп* 'утро'.
- 9 Слово пиптиу-turiyan форма dativi-locativi с возвратным притяжанием, написанным слитно с суффиксом падежа (т. е. разды вместо разды) от пиптиу 'кочевье', 'родина'. Слово пиптиу представляет собой интерес, поскольку в языке письменности и в большинстве современных языков ему соответствует форма без п в середине, т. е. письм.-монг. питиу, халх. пи't'й k, бурятск.-аларск. п'итаk 'кочевье', 'родина'. С п оно засвидетельствовано в Юань-чао би-ши (ср. там пиптиу), в могольском (ср. там пиптиу) и в монгорском (ср. там поптов). Стало быть, здесь тоже засвидетельствована древняя форма этого слова.
- 10 Слово egüssü представляет собой форму обращения 1-го л. ед. ч. на -su (-sü) от egüs-. Основа глагола egüs- известна в письменно-монгольском языке со значением 'возникать'. Однако в нашем памятнике она употребляется в совершенно ином значении. Приводим соответствующие места:

XXIIa 2—3. egüs degde čaү-а minu 'отправляйся, взлети, дитя мое!';

XXIIIa 3. öner sadun egüsür-е kürbе 'близкие друзья стали отправляться';

XXIIIa 4. örüg nuntuy-turiyan egüssü 'да отправлюсь я на свою приветливую родину!';

XXa 6. ayuljalduy-a kemen egüsbe 'говоря «встретимся!», отправился'.

Как видно, значение «возникать» не согласуется с общим смыслом всех приведенных отрывков, ибо во всех этих отрывках речь идет об отправлении, об уходе друзей, сына и т. д. В Юань-чао би-ши встречается глагол e'üskü со значением «отправляться».

Слово это прочтено правильно: что это egüs-, а не negüs (такого глагола, впрочем, и нет), видно хотя бы из того, что egüs- в отрывке XXIIa аллитерирует с emgeg; ср. там: emgeg jobalang-dur bu[u] dabariyda egüs degde čay-a minu.

- 11 Конец какого-то сильно поврежденного слова.
- ¹² Вся строка сильно повреждена. Сохранилось лишь *kürbe* с предшествующим *а*, видимо конечного деепричастия на *-ra* какого-то глагола.
 - 13 Разобрать можно с трудом i...da..., что восстановить невозможно.
- - 15 Слог kü все, что сохранилось от слова kürbe 'достиг'.
 - 16 Слово заучані 'житье' плохо сохранилось и разбирается с трудом.
- ¹⁷ Перед γ аjаr-tur 'в страну' имеется еще одно слово, которое прочесть невозможно. Оно оканчивается на i.

Восстановленный текст

1. yorčisu eke elbür eke minu-a
2. ölenggün ebes-ün ölengjire kürbe
3. öner sadun egüsür-e [kü]rbe
4. örüg nuntuy-turiyan egüssü
5u eke elbür eke minu
6 [r]- a kürbe
7. $i \dots da \dots u\gamma la\gamma a - dur k\ddot{u}[rbe]$
8. saγuqui i γajar-tur

Перевод

¹ Cp.: Haenisch, Wörterbuch, crp. 47.

Оборотная сторона XXIIIб

Монгольский текст

1	2	3	4	5 .	6	7	8
נמשרה שלון שלפה	عالم بيده ي عال علهاي عال	دسكدس السوم السطين النادية	٠٠٠٠٠ عداق معدامورا ٠٠٠	فاسلمه متطا سحا هسنن	1 80 Jugarand mars 1	שת ז צים הפהנסן פ הנים	नक्तिक्री नक्ष्मियं नमेज स्त्रीमार्गक

Транскрипция

1.	yorčisu eke elbür
2.	eke minu . eke elbür eke 1
3.	qariyu dayu dayular-a²
4.	n³ činu üsüken⁴
	bolyasu kemele 5 ada bu 6
6.	a ⁷ buu dabariγda ajir-a ⁸
	čay-a minu ebčigün-ü činu
8.	üsüken egüdmel* alta bolyasu

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Строка обрывается. По аналогии с другими местами восстанавливаем дальше eke inu 'ero мать'.
- ² Эта строка тоже обрывается. Восстанавливается легко как dayular-a karbe 'достигла того, чтобы спеть', 'приступила к пению'.
- ³ Начало повреждено. Видно только *n*, относящееся к концу слова. На том основании, что в дальнейшем мать поет о том, что сделает волосы такой-то части тела своего ребенка золотом, здесь следует предполагать название какой то части тела.
- 4 После слова *üsüken* 'волосики' было еще слово, но это место повреждено. Как видно из строк 7—8: ebcigün-ü činu üsüken egüdmel alta bolyasu

"волосики твоей груди сделаю отделанным золотом", строки 4—5... n cinu tstiken... bolyasu "волосики твоей... сделаю..." восстанавливаются приблизительно так: «волосики твоей такой-то части тела сделаю таким-то золотом».

- ⁵ См. прим. 1 к XXIIa.
- ⁶ О слове ada см. прим. 9 к XXIIa. За ada следует еще какое-то слово, начинающееся на слог bu, но оно повреждено. Очевидно, это тоже название какого-нибудь злого духа или демона, вроде бурятск. $b\bar{o}x\bar{o}td\bar{o}$ или халх. Bug 'демон'.
- 7 Окончание предыдущего слова bu. . .a. По форме это dativus-locativus на -a и относится к buu dabariyda 'не подвергайся!'.
- ⁸ Слово *ajir-a* мы рассматриваем как повелительную форму 2-го л. ед. ч. от *ajira*. Аналогию этого места представляет собою XXIIa 1—3: emgeg jobalang-dur bu[u] dabariyda egüs degde čay-a minu 'не подвергайся увечьям и страданиям! Отправляйся, взлети, дитя мое!'. Здесь же мы имеем ada bu... a buu dabariyda ajir-a... čay-a minu 'не будь одержим злым духом» духом и... дитя мое!'. Ясно видно, что после «не будь одержим злым духом» должна следовать повелительная форма какого-то глагола. Последнее слово, находящееся после ajir-a, мы восстанавливаем как degde 'взлети!'. Что же касается ajir-a, то эта основа в письменном языке известна в значении «шествовать», но в древнем языке имеет значение также «взлететь».
- ⁹ Слово *egüdmel* nomen descriptionis от *egüd* 'соорудить', 'построить', 'воздвигнуть', 'сделать', 'создать'. Переводится как 'созданный', 'сделанный'. Мы его переводим как 'отделанный'.

Восстановленный текст

- 1. yorčisu eke elbür
- 2. eke minu. eke elbür eke [inu]
- 3. qariyu dayu dayular-a [kürbe]
- 4. u činu üsüken [alta]
- 5. bolyasu kemele ada bu....
- 6. -a buu dabariyda ajir-a [degde]
- 7. čay-a minu ebčigün-ü činu
- 8. üsüken egüdmel alta bolyasu

Перевод

- 1. «Отправлюсь, мать, милая
- 2. матушка моя!» Мать, милая матушка [ero]
- 3. к пению ответной песни [приступила].
- 4. «Волосики твоей. . . я. . . [золотом]
- 5. сделаю!», сказала она. «Злым духом и...
- 6. не будь одержим! Шествуй, [взлети]
- 7. дитя мое! Твоей груди
- 8. волосики отделанным золотом сделаю!>

Фрагмент XXIV

(Размеры: 85 × 100 мм)

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6	7	8
扯	•	•	•	Ė	4	4	∱mon 6
١ ميكو ميمور ميكيديهوري ٠٠٠٠٠٠	Komo		٠ دفعود عسر جمعمر عربا عهود	مربا عمدهم جسم ربيع مستهدعميه :	مسط موا موا مستحديد الومدورا	שין אים שביבן פרצפול שובר ל	∞ homens revered Account resigned
AJKA	sound thouse they	· ·	Ą	1	ब ह	अर्थ क्य	न जिल्ला
3	मंग्री प्राप्त	•	Dyna .	£ 4	4	ф, ф,	425
•	-	•	Ė	سقهاء	2 7 9	ار ا	ð
•	•	•	¥ 1.	∦ .:.	7		

Транскрипция

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обе первые строки сильно повреждены, и сохранившиеся слова читаются с большим трудом. Первое слово представляет собой по формеgenitivus с суффиксом -un, написанным слитно с основой. Форма genitivi
управляется словом tedüi 'величиною с'. Управляемое им слово неясно.
Оно может быть прочтено как ailun или anilun. В первом случае это genitivus от ail, но против такого чтения говорит то обстоятельство, что слово
ayil 'юрта', 'группа юрт', 'сосед' пишется не _____, но ____, т. е. ayil. Если
допустить чтение anilun, то необходимо указать, что такого слова нет и
что в таком случае это лишь часть какого-нибудь слова, полностью не
сохранившегося. Таким словом может быть только tanil 'знакомый', но
при таком чтении возникает новая трудность: дело в том, что «величиной с»

очень плохо вяжется с «знакомого». Ключ к решению вопроса могло бы дать первое слово второй строки, но оно, к сожалению, тоже сохранилось очень плохо.

- ² Слово это сохранилось неполностью, ясно разбираются лишь знаки для *ejiy*. . . süge. Тем не менее это слово легко восстанавливается как tejiyesügei 1-е л. ед. ч. формы обращения от глагола «питать» и может быть переведено как 'да вскормлю я!'
- 3 Первое слово второй строки могло бы помочь правильному пониманию первой строки, но оно читается неясно. Ясно сохранились лишь слоги ruyun. По форме это тоже genitivus и управляется это слово тоже словом tedüi. Восстанавливая это слово, следует исходить из того, что вторую половину его образует слог ruy. Таким словом может быть либо uruy 'родня', либо aruy 'корзина'. Разница, как видно, получается существенная. Вместе с тем разница в значении играет решающую роль для понимания первой строки. Если это uruyun tedüi 'с родню', то в первой строке удачной параллелью было бы tanilun tedüi 'со знакомство'. Если здесь читать aruyun tedüi 'с корзину', то в первой строке подошло бы ailun tedüi 'с юрту', 'с аил'. Исходя из законов аллитерации, последний вариант, т. е. 'с аил' и 'с корзину', следовало бы предпочесть.
- 4 Это слово тоже сильно повреждено, и сохранилась лишь первая часть его, которую можно прочесть как altaqa. Последнее можно восстановить как altaqa[n] 'золотце', 'золотой', хотя, исходя из характера синтаксической конструкции, мы ожидали бы здесь формы обращения 1-го л. ед. ч. какого-нибудь глагола, но глагол с основой altaqa- или aldaya- нам не-известен.
- ⁵ Третья строка не сохранилась. Виден посредине лишь знак препинания dörbeljin čeg, соответствующий точке европейской пунктуации. По контексту, если предыдущее слово читать altaqan, следует ожидать перед знаком dörbeljin čeg глагол bolya- 'сделать' в форме обращения к первому лицу, т. е. bolyasu 'сделаю'. После упомянутого знака препинания видны еще очертания двух слов, но их прочесть невозможно.
- ⁶ Начало строки повреждено. Прочесть можно только gdekūi, что представляет собой форму причастия настоящего и будущего времени с суффиксом -kūi от глагола, вторая половина которого состоит из слога gde. Синтаксически это . . .gdekūi является определением к čay-turiyan в свое время'. Мы восстанавливаем его как degdekūi от глагола degde- 'подниматься', 'взлетать'. Следовательно [de]gdekūi čay-turiyan переводится как во время своего подъема' или 'во время своего взлета'.
- ⁷ Обращает на себя внимание слитное написание суффиксов dativi-locativi и возвратного притяжания.
- ⁸ То же самое наблюдается и здесь. Кроме того, следует указать на передачу d знаком $_{ullet}$ вместо Δ .
- Форма dayulajuyu пропел', 'спел', —прошедшее время от dayula-'петь'. В языке монгольской письменности суффиксу -juyu соответствует -juqui. и только от глагола a- эта форма образуется при помощи суффикса -juyu.

Эта интересная форма на -juyu (-jügü) в нашей рукописи засвидетельствована дважды: dayulajuyu 'спел' и kemejügü 'сказал'.

- 10 Слово ebes-ün 'трава' здесь опять дается в раздельном написании.
- 11 Стово alančilar-а представляет собой форму конечного деепричастия на -га. Здесь эта форма выступает в своем первоначальном значении dativilocativi отглагольного имени. Глагольная основа alančila- нашим словарям не известна, но значение ее довольно ясно из контекста: ayula-yin ebes-ün alančilar-a kürbe 'горная трава достигла того, чтобы. . . . : очевидно, этот глагол передает понятие, связанное с ростом трав или, наоборот, с увяданием. Выше в XXIIIa 2 мы имели следующую параллель: ölenggün ebes-ün ölengjir-е kürbe 'трава, лужайка достигла сочности'. Если от öleng 'мурава', 'лужайка' образовано ölengji- 'сочнеть', то alančila-, вероятно, означает тоже «стать чем-нибудь». Действительно, нам известны отыменные глаголы, образованные при помощи суффикса -cila-, напр., emčile- 'врачевать' от em 'лекарство', tegünčile- 'делать так' от tegün- (основа местоимения 'тот'), yosučila- 'поступать сообразно закону' от yosu 'закон' и т. д. Следовательно, alančila- представляет собою образование от alan. Такого имени в монгольском языке мы не встречаем, по зато слово alan существует в тюркских языках, напр., в казанско-татарском, османском, в значении 'поляна', открытое место в лесу. Таким образом alančila- оказывается по значению близким к ölengji- и, вероятно, значит «становиться поляной».
- ¹² Слово это тоже является формой конечного деепричастия на -ra (-re). Основа $e\ddot{c}i$ известна в южномонгольских наречиях и имеет значение «уходить», «отправляться».
- 13 Форма dativi на -a от aqui nomen futuri от a- 'быть'. Переводится 'чтобы быть'.
 - 14 Слово *пипtи* уже объяснено в примечании 9 к XXIIIa.
- 15 Слово ajirasu форма обращения 1-го л. ед. ч, к ajira- 'итти', 'шествовать'.

Восстановленный текст

- 1. ailun (?) tedüi tejiyesüge[i]
- 2. aruyun (?) tedüi altaqa[n] (?)
- 3. [bolyasu] (?)
- 4. [de]gdeküi čaγ-turiyan eke elbür
- 5. eke-düriyen teyin kemen dayulajuyu
- 6. ayula-yin ebes-ün alancılar-a kürbe
- 7. aqa degü ečire kürbe aquy-a
- 8. sayuqu nuntuy-turiyan ajirasu

Перевод

- 1. «С аил (?) напитаю,
- 2. с корзину (?) золотым (?)
- 3. [сделаю] (?)».
- 4. Во время своего взлета матери, милой
- 5. своей матушке так пропел.

- 6. «Горные травы начинают становиться поляной,
- 7. братья начинают отправляться. Чтобы жить,
- 8. на родину свою, где живу, пойду!».

ОПЫТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТЕКСТА

Выше нами были разобраны отдельные фрагменты монгольского текста и, насколько это возможно, восстановлены некоторые поврежденные строки их. Теперь перед нами возникает вторая задача — установить последовательность листов рукописи, как целых, так и фрагментов, и попытаться восстановить текст. Но в отношении последнего необходима оговорка, что, в виду большой фрагментарности рукописи, о восстановлении полного текста не может быть и речи. Дело в том, что более или менее полностью сохранившихся листов мы имеем только три, а от остальных сохранилась лишь часть. И так как на некоторых из числа последних можно разобрать вообще только одну строку, а на других по 3—4 строки, браться за полное восстановление текста невозможно и единственное, что можно, это попытаться установить последовательность монгольской части фрагментов.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о размерах отдельных фрагментов монгольской части рукописи.

Всего мы имеем 6 фрагментов. Из них XIX, размером 90×85 мм, содержит цельных и поврежденных в разной степени 6 строк на лицевой стороне и 5 на оборотной. ХХ фрагмент, размером 85 × 155 мм, представляет собою фрагмент двух сшитых между собою листков, из которых левый, т. е. XXa, содержит 6 строк на лицевой стороне, и из них читается только одна, а на оборотной стороне (т. е. ХХг) имеется 8 строк. Правый листок содержит на лицевой стороне (т. е. ХХб) 4 строки, а на оборотной (XXB) 8. XXI фрагмент, размером 85×85 мм, содержит на лицевой стороне 5 строк и на оборотной стороне 6 строк. XXII фрагмент, размером 85×95 мм, содержит на лицевой стороне 7 строк, а на оборотной 5. XXIII фрагмент тех же размеров и содержит на лицевой стороне 8 строк и на оборотной тоже 8 строк. XXIV фрагмент, размером 85×100 мм, содержит на одной только стороне монгольский текст, всего 8 строк. Из перечисленных фрагментов особую ценность представляют собою фрагменты XXII, XXIII и XXIV, ибо в отличие от остальных они обнаруживают как с левой, так и с правой стороны прямолинейный обрез. Следовательно, это не обрывки листков, как остальные, но цельные листы. Их размеры: 85×95 мм, 85×95 мм и 85×100 мм. Отсюда можно сделать вывод, что первоначальный формат рукописи был 85 × 95 (или 100) мм, где 85 мм по вертикали и 95 (100) мм по горизонтали. Кроме того, следует указать, что на XXIII и XXIV листах и на лицевой, и на оборотной стороне (на последнем только на лицевой) имеется по 8 строк, а на XXII сохранилось 7 и 5 строк (остальные повреждены сыростью). Отсюда мы делаем второй вывод, что на каждой странице было в среднем по 8 строк.

Наша рукопись, таким образом, представляла собой сшитую из берестовых листов книгу форматом 85×95 (100) мм, и на каждой странице

было по 8 строк. Это не была книга тибетского типа, каковыми являются в большинстве своем монгольские книги более позднего происхождения, состоящие из несшитых листов обычно удлиненной формы (9×36 см, 9×45 см и т. д.).

После этих заключений перейдем к вопросу о последовательности фрагментов и цельных листов. Но прежде всего необходимо решить вопрос о том, какую из обеих сторон каждого листа следует признать лицевой и какую оборотной, так как, разбирая выше отдельные фрагменты, мы этим вопросом не занимались.

Возьмем для начала фрагмент XXIII. Здесь почти полностью сохранились все 8 строк как лицевой стороны, так и оборотной. Условно лицевой обозначенная сторона действительно является таковой, ибо текст на другой стороне является продолжением текста лицевой стороны.

XXIII фрагмент (вернее лист) восстанавливается таким образом.

Лицевая сторона

- yorčisu eke elbür eke minu-a
 ölenggün ebes-ün ölengjire kürbe
 öner sadun egüsür-e [kü]rbe
 örüg nuntuy-turiyan egüssü
 ... u eke elbür eke minu
 ... [r]-a kürbe
- 7. i.... da.... uylaya-dur kü[rbe]
- 8. sayuqui.... i yajar-tur

Оборотная сторона

- 1. yorčisu eke elbür
- 2. eke minu. eke elbür eke [inu]
- 3. qariyu dayu dayular-a [kürbe]
- 4. u činu üsüken.... [alta]
- 5. bolyasu kemele ada bu....
- 6. -a buu dabariyda ajir-a [degde]
- 7. čaγ-a minu ebčigün-ü činu
- 8. üsüken egüdmel alta bolyasu

XXIV фрагмент мы пока оставляем, ибо монгольский текст имеется лишь на одной стороне, и переходим к XXII фрагменту. Хотя на одной стороне его текст сохранился неполностью, все же нетрудно установить, что условно лицевой признанная сторона действительно является таковой, ибо последнее слово последней строки оборотной стороны не может быть поставлено в синтаксическую связь с первым словом лицевой стороны. Таким образом текст XXII фрагмента восстанавливается в следующем виде.

Лицевая сторона

- 1. kemelei emgeg jobalang-dur bu[u]
- 2. dabariyda egüs degde čay-a
- 3. minu tobčiyin činu üs[üke]n
- 4. tong altan bolyasu kemele
- 5. [to]d[qa]r ada-dur buu joly[a]
- 6. čay-a minu [te]ri[gü]n-ü cin[u]
- 7. üsün delekei altan bostyasu]

Оборотная сторона

Так как лицевая сторона XXII фрагмента сохранилась полностью и содержит 7 строк, можно полагать, что количество строк на каждой стра-

нице колебалось от 7 до 8.

Переходя к XIX фрагменту, нетрудно установить, что лицевой стороной является та, первым слогом первой строки которой является слово аузап, так как проколы для сшивания листов приходятся на левое поле этого фрагмента.

Текст восстанавливается поэтому приблизительно так.

Лицевая сторона

2. 3. 4. 5. 6.	aγsan ejen-e inu qamuju quriyaju abtaqu či čaγ-a [m]inu buraqan ejen[-e inu]uju kürbesü bosaγ[-a dora unaju ög] bo[saγ-a dora unaba]ud
	Оборотная сторона
4.	ju ül[e]jü yayu ju ülle]jü yayu [ke]bteadekü budanayadču [aysan]

6. ejen-e in u [bu ju] 7. irejü abtaqu či čaγ-a 8. minu. erdem-tü sayin itelgü
На том же основании устанавливается последовательность текста обоих сшитых листков XX фрагмента таким образом:
Лицевая сторона [ХХб]
1 da egerejü kürčü irebesü
2. egüden dora yaru qordaqu
3anda kümün-e
4. [odu]qu či ča[γ-a minu]
5
Оборотная сторона [ХХв]
1
2 sayin [ejen-e inu]
3 [kür]besü [dora yayu]
4. gordagu jalayus köbegüd[-tür]
5. samaryun oduqu či čay-a mi[n]u
6. sayin jaralmai-a ja u kürčü irebe[sü]
7. jebe dora unaju ög jebe dora unaba
8. [ke]mejü jalidču kürčü yayu kebtegdekün
Лицевая сторона [ХХг]
1. jayayatu sayin ejen-e inu jarčila-
2. ju erijü abtaqu či čaγ-a minu
3. altaqan yuryuldai čay-a inu eke
4. elbür eke-düriyen qariyu dayu dayu-
5. [lar-a] kürbe eke elbür eke minu
$6. \ldots gergen \ldots$
7 činu
8
Оборотная сторона [XXa]
1
2
3
4. .
5
6
7. azuljalduy[-a] kemejü egüsbe

К XX фрагменту следует заметить, что стр. XXб, вероятно, содержала только 5 строк, ибо знаки сохранившихся строк значительно крупнее, чем на других страницах.

Переходим к XXI фрагменту. Здесь лицевой стороной является начинающаяся словом *еўеп-е*, ибо проколы видны на левом поле этой страницы.

Лицевая сторона

1. ežen-e simurruju kürbesü
2. arqayun dora unaju ög
3. arqayun dora unaba [kemejü]
4. ariyaju kürčü yayu keb[tegdekü]
5. [ači?]tu sayin ejen[-e inu]
6
7
8
Оборотная сторона
1
2
3 [abta]qu č[i ćay-a
4. min/u qarayun ejen/-e inu/
5. simuryuju kürbesü qa[yaly]
6. a dora unaju ög q[ayaly]
7. a dora unaba kemejügü qaraju
8. üjejü yayu kebtegdekü qaraju
o. u)oja yuru keologueku qaraju

Что касается, наконец, XXIV фрагмента, то текст имеется там только на одной стороне, причем последнее предложение оказывается синтаксически вполне законченным. Повидимому, здесь мы имеем конец монгольского текста рукописи.

Таким образом оказывается установленным — которая из сторон каждого листа или фрагмента является лицевой и которая из них оборотной.

Остается решить вопрос о последовательности листов. Сделать это нелегко, так как рукопись не пагинирована, а кроме того, не следует забывать, что имеющиеся в нашем распоряжении листы и фрагменты представляют собой, по всей вероятности, не все, т. е. что некоторые листы не сохранились. Поэтому установить последовательность листков можно лишь приблизительно с учетом того, что между отдельными листами неизбежно останутся лакуны, заполнить которые совершенно невозможно.

Рассматривая текст рукописи со стороны содержания, можно установить, что он представляет собою стихотворный диалог матери с сыном. После того как заканчивает свою песнь мать, ей поет ответную песнь сын. Таков, например, XX фрагмент, содержащий вначале песнь матери (от первой строки XX6 до конце второй строки XXr), после чего идет ответная песнь сына (от строки третьей XXr до конца седьмой строки XXa). XIX фрагмент целиком содержит песнь матери, также и XXI и XXII. XXIII фрагмент начинается песней сына (от первой строки лицевой сто-

роны до второй строки оборотной стороны), после чего идет ответная песнь матери (от второй строки оборотной стороны до конца страницы). XXIV фрагмент содержит сначала песнь матери до третьей строки, а затем идет до конца страницы песнь сына. Таким образом получается следующая картина: XIX, XXII — песнь матери, XX — песнь матери, затем сына, XXIII — песнь сына, затем песнь матери, XXIV — цеснь матери, затем сына. Как видно, количество песен матери больше, чем песен сына, а так как наилучшим образом сохранившиеся листы содержат на каждую песнь матери ответную песнь сына, то следует полагать, что некоторое количество песен сына до нас не дошло.

Песни эти построены по обычному монгольскому способу стихосложения, для которого характерным является параллелизм: каждая следующая строфа в отношении своего содержания в значительной степени повторяет предыдущую и отличается от нее лишь частичными отклонениями не столько в самом смысле, сколько в средствах передачи его. Это, конечно, сильно облегчает работу над установдением первоначальной последовательности листов фрагментов. С другой стороны, большую помощь оказывает самый принцип монгольского стихосложения, для которого самой характерной чертой является аллитерация. Если ряд строк одного фрагмента начинается, скажем, слогом qa и если первая строка другого какого-нибудь фрагмента начинается этим же слогом и по смыслу оказывается продолжением предыдущего, последовательность листов устанавливается с полной несомненностью.

Исходя из этих соображений, мы установили, что текст фрагмента XIX является продолжением текста фрагмента XXI. Фрагмент XXI, однако, не является абсолютным началом изучаемого произведения, и начало, к сожалению, не сохранилось. Фрагмент XXII оказывается продолжением XXIII фрагмента. XXIV фрагмент является заключительным, но между ним и XXII остается лакуна, которой мы заполнить не можем. Что же касается фрагмента XX, то он относится к середине между XIX и XXIII, но непосредственно не увязывается ни с тем, ни с другим.

Результатом этих текстологических изысканий является следующий опыт полного восстановления текста.

При этом мы постараемся произвести восстановление лакун, оставшихся между отдельными фрагментами рукописи. Последние мы заключаем в [[]].

Издавая получившийся после такого вторичного восстановления текст, мы не будем придерживаться деления на строчки оригинала, но произведем свое деление на строчки, исходя из законов аллитерации, имея в виду представить стихотворный текст в надлежащем виде.

Монгольский текст

Начало отсутствует.

XXIa. [[ačitu]] ejen-e simuryuju kürbesü arqayun dora unaju ög! arqayun dora unaba [kemejü]

	ariyaju kurcu yayu keb[tegaeku.
	ači(?)]tu sayin ejen[-e inu]
	[[
	• • • • • • • • • • • • • • • • • • • •
XX16.	
	[[kümün-e]] [abta]qu č[i čay-a min]u!
	qarayun ejen[-e inu] simuryuju kürbesü
	qa[γalγ]a dora unaju ög!
	q[aγalγ]a dora unaba kemejügü
	qaraju üjejü yayu kebtegdekü?
	qaraju XIX a aysan ejen-e inu
	qamuju quriyaju abtaqu či čaγ-a [m]inu!
	buraqan ejen[-e inu] [[simury]]uju kürbesü
	bosay[-a dora unožu ög!]
	bo[saγ-a dora unaba] [[kemejü
	buju]] ud[[ču yayu kebtegdekü?
	buragan ejen-e inu
	bu ju abtaqu či čaγ-a minu!]]
XIX6.	[[bu]]ju ül[e]jü yayu [ke]btegdekü?
	budangyadču [aysan] ežen-e inu
	[buju] irejü abtaqu či ča;-a minu!
	erdem-tü sayin itelgü!
	or wone-ow sayon wooga:
Пропуск	не менее одного листа.
ХХб	$\dots \dots \dots \dots \dots da$
AM.	egerejü kürčü irebesü
	egüden dora yayu qordaqu?
	anda kümün-e [odu]qu či ča γ [-a minu]
	unuu kumun-e foungqu ee eurf-u memuj
VV.	[[ja]] sayin [ejen-e inu]
АДБ.	
	[[jaju]] [kür]besü
	[[ja]] [dora yayu] qordaqu?
	žalayus köbegüd[-tür] samaryun oduqu či čay-a mi[n]u!
	[[ja]] sayin jayalmai-a!
	jaju kurču irebe[su]
	žebe dora unažu ög!
	jebe dora unaba [ke]mejü
***	jalidču kürčü yayu kebtegdekün?
XXr.	jayayatu sayin ejen-e inu
	jarčilaju erijü abtaqu či čaγ-a minu!
	altaqan yuryuldai čay-a inu
	eke elbür eke-düriyen
	qariyu dayu dayu[lar-a] kürbe

	eke elbür eke minu
	gergen
37.37	• • • • • • • • • • • • • • • • • • • •
AAa.	
	ayuljalduy[-a] kemejü egüsbe
Пропуск,	вероятно, одного листа.
XXIIIa.	yorčisu!
	eke elbür eke minu-a!
	ölenggün ebesün ölengjire kürbe.
	öner sadun egüsür-e [kü]rbe.
	· • • • • • • • • • • • • • • • • • • •
	örüg nuntuγ-turiyan egüssü!
	· · · · · · · · · · · · · · · · · · ·
	eke elbür eke minu
	f kürbe
	i da uylaya-dur kü[rbe]
	sayuqui [[aqu]]i yajar-tur XXIII6 yorčisu!
	eke elbür eke minu!
	eke elbür eke [inu]
	qariyu dayu dayular-a [kürbe]
	[alta] bolyasu! kemele.
	ada bua buu dabariyda!
	ažira [degde] čay-a minu!
	ebčigün-ü činu üsüken
	egüdmel alta bolyasu XXIIa kemelei.
	emgeg jobalang-dur bu[u] dabariyda!
	egüs degde čaγ-a minu!
	tobčiyin činu üs[üke]n
	tong altan bolyasu! kemele.
	[to]d[qa]r ada-dur buu joly[a] čay-a minu!
	[te]ri[gü]n-ü čin[u] üsün
373737	delekei altan bolyasu! [[kemele]]
XXII6.	
	[[ačitu]] s[ayi]n ejen-e inu
	[[ayi)u?]] kürbesü
	adayirtu tergen dora yaru qordaqu?
	a yartu-da samaryun odu[qu] či čay-a minu!
	alaya-yuyan

Пропуск одного листа.

XXIV. ailun (?) tedüi tejiyesüge[i]
aruyun (?) tedüi altaqan.... [bolyasu!]
[de]gdeküi čay-turiyan
eke elbür eke-düriyen
teyin kemen dayulajuyu.
ayula-yin ebes-ün alančilar-a kürbe.
aqa degü ecire kürbe.
aquy-a sayugu nuntuy-turiyan ajirasu!

Перевод

Начало отсутствует. XXIa. «Когда ты с решимостью достигнешь [[благодетельного]] властителя, пади под перекладиной! Зачем огорчаться на том основании, что упал под перекладиной? [К благодетельному] прекрасному властителю будешь ты взято, дитя мое!» [[«Человеком]] [взято] ты [будешь, дитя] мое! Когда ты с решимостью достигнешь заботливого властителя, пади под [воротами]! Зачем глядеть и смотреть, оттого, что упал под [воротами]?» XIXa. «Смотревшим властителем будешь ты забрано и взято, дитя мое! Когда ты достигнешь [[с решимостью]] божественного властителя, [пади под] порогом! [[Зачем и на том основании что]] [упал под порогом]? [[К божественному властителю будешь ты и взято, дитя мое!»]] XIX6. Зачем оставаться и ? Приходя и к омраченному властителю, будешь ты взято, дитя мое! О достойный и прекрасный кречет!»

Пропус	ек не менее одного листа.
ХХб.	«Когда ты в надежде прибудешь к , зачем огорчаться под дверью? К заклятому человеку [отправишься] ты [дитя мое]!»
XXB.	«Когда ты достигнешь
AAB.	[] и прекрасного [властителя], [зачем] огорчаться [под]?
	К рабам отправишься ты в расстройстве, дитя мое! О, и прекрасный ястреб! Когда ты достигнешь вплотную,
	пади под острием! Зачем лукавствовать
ХХг.	на том основании, что упал под острием?» «На службу, будучи разыскиваемо, будешь ты взято, дитя мое, судьбою данным прекрасным властителем!»
	Золотой соловушко, дитя ее, приступил к пению ответной песни
	матери своей, милой матушке. «Мать, милая матушка моя!
	жена
XXa.	
Пропус	сказал: «Встретимся!» и отправился. ск, вероятно, одного листа.
XXIIIa	. «Отправлюсь!
	О мать моя, милая матушка! Трава лужайки стала сочнеть, близкие друзья стали отправляться. Да отправлюсь я на свою приветливую родину!
	Мать моя, милая матушка!
XXIII6	Отправлюсь в страну, где буду жить! . Мать моя, милая матушка!»
	Мать [его], милая матушка [Приступила] к пению ответной песни: «Волосики твоей

сделаю [
ххиб.
«Когда ты [[в страхе]] достигнешь
[[благодетельного]] и [прекрасного] властителя,
зачем огорчаться под тесовой телегой?
К имеющему руки отправишься ты в смятении,
дитя мое!
Свои ладони »
Пропуск одного листа.
XXIV. «Буду питать с аил (?)!
Сделаю и золотым с корзину (?)!»
Во время своего взлета
матери своей, милой матушке
так спел он:
«Горные травы начинают становиться лужайкой,
братья начинают отправляться.
Отправляюсь я на свою родину, где проживаю, чтобы быть там!»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Рукопись представляет большой интерес с различных точек зрения: с палеографической, лингвистической, историко-литературной и культурно-исторической, так как она является одним из весьма немногочисленных дошедших до нас памятников монгольской письменности древнейшего периода ее развития.

Прежде всего остановимся на вопросе о датировке рукописи. Рукопись эта никаких дат не содержит, тем не менее датировать ее можно, как сказано выше, довольно точно, так как XI фрагмент рукописи, один из фрагментов текста на уйгурском языке, содержит несколько ясно сохранившихся знаков монгольского квадратного письма, которые мы здесь, за отсутствием квадратного шрифта, воспроизвести не можем, но которые мы

можем передать соответствующими знаками латинской транскрипции как ral-baq-ši-č $^{\epsilon}a$.

Мы не можем определить языка, которому принадлежат слова, остатками коих являются эти слоги, ибо, как известно, квадратным алфавитом писали не только по-монгольски, но и по-китайски, по-тибетски, на санскрите и даже на тюркских языках. Единственное полностью сохранивmeecя слово bagši 'учитель' одипаково распространено как в монгольском, так и в уйгурском языке. Но вопрос о языке, которому принадлежат обрывки слов, написанные знаками квадратного письма, для нас здесь менее существен. Гораздо большее значение для нас имеют эти знаки в том отношении, что позволяют датировать рукопись и притом довольно точно. Квадратное письмо было введено указом императора Хубилая от 1269 г., а самый новый памятник этой письменности на монгольском языке неизданная надпись — относится к 1351 г., после каковой даты мы какихлибо монгольских памятников не имеем. Известны, однако, документы на китайском языке, датируемые значительно позже, и в частности имеются китайские ассигнации, напечатанные знаками квадратного письма, относящиеся к пятидесятым годам XIV ст. Во всяком случае можно считать установленным, что квадратное письмо было в употреблении, хотя распространялось слабо, в течение всего юаньского периода, т. е. до 1368 г.

Следовательно, рукопись относится к промежутку времени между 1269 и 1368 гг. При этом можно с некоторой уверенностью утверждать, что с к о р е е в с е г о р у к о п и с ь о т н о с и т с я н е к н а ч а л у э т о г о и е р и о д а, н о к и е р в о й ч е т в е р т и XIV с т., ибо нам известно, что распространение квадратной письменности шло очень медленно и, несмотря на повторные императорские эдикты, она прививалась слабо и долгое время оставалась достоянием только некоторых учреждений. Таким образом рукопись эту следует относить к началу XIV ст. Это первое, что можно сказать о нашей рукописи.

От этого периода сохранилось очень немного памятников, вследствие чего мы об этом периоде истории монгольской письменности располагаем весьма скудными сведениями. В сущности говоря, эти сведения в основном исчерпываются данными некоторых кампеписных памятников и ряда документов, перечисление которых мы считаем здесь излишним, так как оно дано в труде Б. Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия». К приводимому там списку древнейших памятников монгольской письменности теперь можно прибавить и эту рукопись. Но этого мало, так как обнаружение одного лишнего памятника, притом столь фрагментарного, как наш, не может существенным образом обогатить наши знания монгольского языка то периода. Значение рукописи, конечно, не в том, что открытие ее увеличивает список древних памятников на одну единицу, но в другом. Преждевсего, это пока единственная монгольского-уйгурская

¹ Лгр., 1929, стр. 34 и сл.

рукопись, притом содержащая глоссы на квадратном письме. Что это монгольско-уйгурская рукопись, а не
фрагменты двух рукописей — одной монгольской, а другой уйгурской, —
можно заключить по размерам фрагментов, величине букв и по сходству
почерка. В конце концов даже неважно, принадлежат ли эти фрагменты
одной рукописи. Гораздо существеннее то, что отдельные листки ее были
написаны одним лицом и что все фрагменты были найдепы в одном погребении при чернильнице и пере. Этот памятник монгольской письменности
является одной из тех находок, которые обнаружены паиболее далеко
на западе.

Рукопись была обнаружена в Нижнем Поволжье, на б. территории Золотой Орды, и дальше на запад была найдена пока лишь одна пайдза в б.Екатеринославской губ. на Днепре. Говоря о находке этой пайдзы, следует, однако, заметить, что находка ее и этой рукописи факты совершенно не равноценные. Дело в том, что найдзы представляют своего рода мандаты или пропуски, которые давались гонцам. В силу этого они завозились в весьма далеко от тогдашних центров монгольской империи расположенные местности и попадали в области с пемонгольским населением. Поэтому факт нахождения пайдзы в той или другой местности не является свидетельством того, что в такой-то местности в XIII—XIV ст. проживали монголы. Иное дело рукопись. Рукописи типа нашей, содержащие не что иное, как стихи, могли иметь распространение только среди людей, знавших монгольский язык. Следовательно, эта находка является свидетельством того, что на территории Золотой Орды в начале XIV ст. встречались люди, владевшие монгольской письменностью и притом пользовавшиеся монгольским письменным языком не только в канцелярской переписке, но и в быту. Свидетельством этого является факт находки этой рукописной книги стихов: если она и не была написана на месте, то во всяком случае она там кем-то читалась. Что рукопись, однако, была написана на месте, все же вполне возможно, так как она была найдена при чернильнице и пере. А то обстоятельство, что писчим материалом послужила береста, может рассматриваться как свидетельство того, что рукопись эта представляла собой собственность не состоятельного лица, не какого-нибудь военачальника или чиновника, но человека небогатого и принадлежавшего, вероятно, к угнетенному классу. Скорее всего это был писец. Этим, вероятно, и объясняется двуязычность рукописи, а знание двух языков — монгольского и уйгурского — и трех письменностей — монгольской, квадратной и уйгурской трудно предполагать у простого воина, и, наоборот, владение ими со стороны писца глолне естественно. Можно предполагать, что рукопись была положена в погребение как образчик письма умершего при его орудиях производства. У кыпчаков такие писцы назывались baqšī, и засвидетельствованное в рукописи в написании знаками квадратного письма слово baqsi как раз могло относиться к этому писцу. Таким образом рукопись эта является весьма ценным свидетельством того, что монгольской письмен-

ностью среди монгольских элементов Золотой Орды продолжали пользоваться еще в начале XIV ст., что, следовательно, монголы, вообще слабо переходившие в Золотой Орде на оседлость, продолжали еще, вопреки утверждению ал-Омари, сохранять свой язык во всяком случае в первой четверти XIV ст. 1 Рукопись является вместе с тем одним из немногих свидетельств использования монголами бересты в качестве писчего материала.2 Можно полагать, что береста служила довольно широко распространенным суррогатом бумаги, и это, между прочим, объясняет нам, почему сохранилось так мало памятников письменности того времени, ибо береста гораздоменее устойчива по отношению к атмосферическим влияниям, бумага.

Далее, как уже сказано выше, это-пока первая двуязычная монгольскоуйгурская рукопись. Эта двуязычность ее свидетельствует о том, что в улусе Джочи, а может быть и в других областях монгольской империи. попадались монголы, владевшие не только монгольским, но и уйгурским языком, читавшие на этих обоих языках. Сделанное нами допущение возможности двуязычности некоторой части монголов не только на территории улуса Джочи, но и в других областях имеет кое-какие соображения в свою пользу. Дело в том, что рукопись эта содержит, как уже сказано, глоссы на квадратном алфавите. Квадратная письменность была, однако, распространена в основном на территории самого Китая, ибо там было обнаружено подавляющее большинство камнеписных памятников. Широкого распространения эта письменность не получила, и ею пользовались, главным образом, видимо, только в восточных областях Юаньской империи. Даже пайдзы с надписями на квадратном алфавите были найдены исключительно на востоке — одна в Забайкалье, другая в бывшем Мариинском округе Томской губернии, третья в Минусинском округе и последняя в Бэйпине, между тем как на западе были найдены только пайдзы с надписями на уйгурском алфавите. Единственной находкой монгольской книги квадратного письма в западных областях империи является фрагмент, опубликованный Г. И. Рамстедтом, привезенный откуда-то из Восточного Туркестана, следовательно, происходящий все же из местностей, лежащих значительно дальше на восток, чем Поволжье. Поэтому можно допустить, что рукопись была написана на месте обнаружения ее писцом, прибывшим

² Нам известна еще только одна монгольская рукопись, писанная на бересте: это несколько небольших фрагментов какого-то религиозного сочинения из коллекции 1905 г. — № 10, хранящихся в Рукописном отделении Института востоко-

ведения АН СССР.

¹ Cp.: Б. Греков и А. Якубовский. Золотая Орда. Лгр., 1937, стр. 48. Впрочем, ал-Омари сам приводит факты, свидетельствующие о том, что в течение первой четверти XIV ст. монголы свой язык сохраняли. Так, напр., ал-Омари сопервой четверти XIV ст. монголы свой язык сохраняли. Так, напр., ал-Омари сообщает, что сыну Узбека, правившему над кыпчаками, писали по-арабски, но
чаще по-монгольски (В. Тизенга узен. Сборник материалов, относящихся
к истории Золотой Орды, т. І. СПб., 1884, стр. 251). В связи с этим заслуживает внимания приводимый Вассафом, писавшим около 1328 г., факт, упоминаемый
им при описании событий 1318/1319 г. (= 718 г. хиджры): когда привели к Узбеку
двух монголов, схваченных из армии Абу-Саида, Узбек лично стал допрашивать
их и при этом по-монгольски сказал Кутлуг-Тимуру и Иса-Гургану: «Тот
человек, которого мы ищем, — у нас в тылу. Куда же нам направиться?». Указанием этого факта мы облазны С. Л. Волину.

2 Нам известна еще только опна монгольская рукопись, писанная на бересте:

из более далеко на восток лежащих областей, или местным человеком. познакомившимся с квадратной письменностью на востоке. 1

Таким образом рукопись эта представляет большой интерес, и находка ее сама по себе является весьма крупным событием, независимо даже от содержания рукописи и степени сохранности ее: если бы она была даже во много раз более повреждена, чем это есть на самом деле, если бы текста ее совершенно нельзя было восстановить и если бы можно было прочесть в ней только несколько строк или слов, даже в таком случае находка эта позволила бы сделать ряд весьма ценных заключений. Между тем, как мы уже убедились выше, значительная часть текста поддается восстановлению и может быть прочтена и переведена, а это еще больше повышает ценность находки.

Наша рукопись отличается как со стороны почерка, так и со стороны языка многими специфическими особенностями, присущими памятникам монгольской письменности начала XIV ст.

Как памятник монгольской письменности XIV ст. рукопись представляет большой интерес в палеографическом отношении.

Вместе с тем рукопись обнаруживает ряд более архаичных черт, сближающих ее с грамотами ильханов. Так, напр., мы встречаем начертание знака для d совершенно такое же, как в уйгурских рукописях; напр. ср. слово обража "достойный". В конце слога d передается в некоторых случаях тем же знаком Δ , напр. Δ "лукавствуя", Δ "созданный".

Характерной особенностью почерка рукописи является передача гласного е в начале слова знаком, состоящим из двух зубцов, сильно напоминающим знак для а, но в отличие от последнего зубцы знака е расставлены далеко друг от друга. Таковы слова ejen-e 'властителю', ebes-ün 'трава' и др. Другую особенность мы наблюдаем в отношении раздельных написаний а и е, передаваемых сильно загнутым влево знаком, как, напр., в слове aq-a 'старший брат'.

Обращает на себя внимание очень плотно на кружок насаженная головка знаков для o, u, \ddot{o} , \ddot{u} в начале слова, напр. в словах $\ddot{o}g$ 'дай', unaba 'упал' u т. д. То же самое можно сказать в отношении начального n перед u в nuntur 'родина'.

Последнее, что стоит упомянуть, это особое начертание для начальных q и γ , напоминающее знак для согласного s.

Диакритические точки обычно отсутствуют, но наличествуют при п

¹ Заканчивая историческую часть исследования, считаем своим долгом отметить, что мы использовали для нее ряд замечаний, сделанных присутствовавшими на предварительном сообщении о рукописи в Институте востоковедения АН СССР.

в начале слова $nuntu\gamma$ 'родина', при γ в $da\gammaulaju\gamma u$ 'пропел' (во втором слоге) и т. д.

Из знаков препинания встречаются čeg и dörbeljin čeg. В области орфографии заслуживает внимания раздельное написание слова ebes-ün 'трава'. Обратное этому мы видим в отношении суффикса genitivi в ölenggün 'муравы', где суффикс написан слитно со словом. Слитно написаны суффиксы падежный и возвратного притяжания, напр., в nuntuy-turiyan 'на свою родину'. В отношении ряда суффиксов наблюдается неустойчивость: с одной стороны, erdem-tü 'достойный', а с другой — jayayatu 'данный судьбою', далее dayular-a и dayulara 'чтобы спеть'. Отклонения от обычных норм правописания обнаруживают обычных норм вместо с устойный' с лишним а во втором слоге.

Рукопись представляет интерес и с лингвистической стороны, ибо содержит редкие слова и формы слов. Так как соответствующие слова и формы уже были разобраны выше, каждое в своем месте, упоминаем здесь лишь некоторые из них. К наиболее интересным словам принадлежит пиптиу 'родина', которому в языке монгольской письменности соответствует питиу и только в Юань-чао би-ши, могольском и монгорском соответствует форма с п в конце первого слога, представляющая собою весьма архаическую форму.

Словарный запас рукописи отличается, кроме того, наличием более нигде не засвидетельствованных слов: $elb\ddot{u}r$ — эпитет матери, условно переводимый нами как «милая», и др.

Из грамматических форм заслуживают внимания следующие: прошедшее время на - $ju\gamma u$ = письм.-монг. -juqui; форма обращения к первому лицу на -su = письм.-монг. -su || - $su\gamma ai$ (суффикс - $su\gamma ai$ наблюдается в рукописи один раз в составе tejiyesügei 'вскормлю!'); форма прошедшего времени на -lai || -la (в kemelei || kemele 'сказал') = письм.-монг. - $lu\gamma a$ (- $l\ddot{u}ge$), разговорн. - $l\ddot{a}$ || -lai (- $l\ddot{u}$).

Велико также значение рукописи в историко-литературном отношении. Здесь следует прежде всего указать на то, что рукопись содержит первое художественно-литературное произведение, писанное знаками уйгурского алфавита. Как известно, первые памятники монгольской письменности — Чингисов камень, грамоты ильханов и т. д., относящиеся частично к XIII, частично к началу XIV ст., не являются литературными в полном смысле этого слова произведениями, ибо это камнеписные памятники, дипломатические послания, документы и т. д. Мы располагаем сведениями лишь об одном художественном произведении первой половины XIV ст., написанном знаками уйгурского алфавита: это стихотворение Мухаммед ибн Омар ибн Хасан ибн Махмуд Абдал-Гаффур ас-Самарканди, написанное им в 724 г. хиджры на четырех языках, распространенных в ту эпоху в Иране, в том числе на монгольском. Год хиджры 724 соответствует 1324 г. нашего летосчисления.

¹ E. Blochet. Introduction à l'histoire des mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden, 1910, p. 117.

Таким образом стихотворение ас-Самарканди относится приблизительно к тому же времени, что наша рукопись, но оно осталось неопубликованным, вследствие чего издание настоящей рукописи является пока первым изданием художественно-литературного произведения на монгольском языке, написанного в первой четверти или трети XIV ст. и являющегося либо современным прежде известному стихотворению ас-Самарканди, либо даже еще более ранним.

Из известных нам монгольских произведений художественной литературы только «Сокровенное сказание» является более древним, ибо оно восходит к 1240 г. Однако «Сокровенное сказание» дошло до нас только в китайской иероглифической транскрипции и на монгольском алфавите лишь частью в составе одной рукописи летописи Altan tobči, тоткуда некоторые фрагменты были заимствованы более поздними летописцами, включившими отдельные отрывки в их сочинения. Кроме того, следует иметь в виду, что «Сокровенное сказание» представляет собою цикл героико-эпических произведений, переработанных с целью дать историю дома Чингисова, и содержит много подлинно-исторических фактов, родословных и т. п., т. е. не является сплошь художественно-литературным произведением, хотя в состав его вошли многочисленные отрывки героического эпоса и лирики.

Исследуемая рукопись является таким образом первым произведением художественной литературы на монгольском языке, писанным знаками уйгурского алфавита, точнее—это первый образчик лирической поэзии на письменно-монгольском языке. Это обстоятельство вызывает, естественно, огромный интерес к вновь открытому памятнику.

Рассматривая рукопись как литературное произведение, можно заметить, что она представляет собою стихотворный текст.

Несмотря на фрагментарность текста, на отсутствие начала и конца его, на утрату многих стихов, разных мест текста и на плохую сохранность отдельных строк, содержание рукописи все же поддается определению. Основное содержание ее составляет диалог матери и сына.

На основании общего контекста можно заключить, что мать провожает своего сына, отправляющегося в дорогу. Сын отправляется, повидимому, на службу к кому-нибудь из представителей господствующего класса, вероятно, к одному из военачальников, так как в песне упоминается какой-то властитель (ejen). К сожалению, довольно многочисленные эпитеты этого властителя не дают возможности с точностью определить, кем он является. Обращаясь к сыну с напутствием, мать говорит ему, чтобы он не огорчался, когда достигнет своего властителя. Речь идет, повидимому, о тех огорчениях, которые простой воин неизбежно должен испытать на службе у лица, в социальном отношении стоящего значительно выше. Далее, мать выражает надежду на то, что он не подвергнется страданиям, увечьям и действию злых духов. Эти благопожелания матери чередуются с нежными выражениями по адресу сына, называемого матерью прекрасным кречетом.

¹ Опубликована в издании Научно-исследовательского комитета МНР в 1937 г.

«Отправляйся и взлети, дитя мое! Волосики твоей груди сделаю сплошь золотыми! С напастями и злыми духами не встречайся, дитя мое! Волосы на твоей голове я сделаю рассыпным золотом!», говорит мать. Ответная песнь сына полностью не сохранилась. Отвечая своей милой матушке, сын говорит, что горные травы стали уже сочными, а близкие друзья уже отправляются в кочевку и что он хочет ехать к себе на родину.

Содержание этого стихотворного текста и общий тон его мало характерен для аристократической поэзии монголов XIII—XIV ст. На этом основании мы полагаем, что имеем здесь дело не с литературным произведением господствующего класса монгольской военно-феодальной империи, но с народным произведением, фольклорным, образчиком древнемонгольской народной лирики, притом с древнейшим образчиком из числа дошедших до нас.

Текст представляет большой интерес также со стороны внешней художественной формы, так как он обнаруживает все специфические особенности, характерные для монгольского стихосложения.

Прежде всего наш стихотворный текст характеризуется последовательно проведенной аллитерацией.

Мы видим, что первая строфа текста в том виде, как он нами восстановлен, содержит стихи, в которых аллитерирующим является слог а: ačitu — arqayun и т. д. В следующей сохранившейся строфе аллитерирует слог qa: qarayun — qayalya — qayalya — qarayu.

В следующей строфе аллитерируют слоги *bu* и *bo* и т. д. Одной из наиболее сохранившихся строф является следующая:

ebčigün-ü činu üsüken
egüdmel alta bolyasu kemele.
emgeg jobalang-dur bu[u] dabariyda!
egüs degde čay-a minu!
«Волосики твоей груди
я сделаю отделанным золотом!» сказала она.
«Увечьям и страданьям не подвергайся!
Отправляйся, взлети, дитя мое!»

В этой строфе, содержащей четыре стиха, аллитерирует всюду слог е. Кроме аллитерации цервого слога каждого стиха или каждой строки строфы наблюдается тоже характерная для монгольского стихосложения так называемая внутренняя аллитерация, т. е. аллитерация начальных слогов полустрок, т. е. двух половин той же строки, разделенных цезурой, напр.,

ölenggün ebes-ün ölengjire kürbe öner sadun egüsüre [kü]rbe Трава лужайки начала сочнеть. близкие друзья стали уходить.

Следующей важной особенностью монгольского стихосложения является параллелизм, заключающийся между прочим в том, что содержание разных

строф того же произведения в значительной степени является повторением одного и того же, обнаруживая лишь небольшие отклонения, относящиеся не столько к смысловому содержанию, сколько к средствам выражения смысла. Так, напр., мы видим, что первая строфа отличается по содержанию от второй лишь в очень незначительной степени:

«Когда ты с решимостью достигнешь [[благодетельного]]

властителя,

пади под перекладиной!

Зачем огорчаться

на том основании, что упал под перекладиной?»

«Когда ты с решимостью достигнешь заботливого владетеля, пади под [воротами!].

Зачем глядеть и смотреть,

на том основании, что упал под воротами?»

В этих двух соседних строфах разными являются лишь эпитеты властителя (благодетельный — заботливый), названия предметов, под которыми должен упасть сын (перекладина — ворота), и слова, выражающие побочные действия во время лежания (огорчаться — смотреть). То же самое можно сказать о целом ряде других строф, напр.:

- «Волосики твоей груди
- я сделаю отделанным золотом!», сказала она.
- «Увечьям и страданьям не подвергайся!

Отправляйся, взлети, дитя мое!»

- «Волосики твоей груди
- сделаю сплошь золотыми!», сказала она.
- «С [напастями] и злыми духами не встречайся, дитя мое!»
- «Волосы на твоей [голове]
- я сделаю рассыпным золотом!», сказала она.

В этих строфах меняются лишь названия частей тела (грудь — голова), эпитеты золота (отделанное — сплошное), названия предметов, действию которых сын не должен подвергаться (увечья и страдания — напасти и злые духи), а также конечные глаголы (не подвергайся — не встречайся). В отличие от этого вида параллелизма, заключающегося в почти буквальном повторении того же смысла и только в частных различиях средств передачи его, который условно можно назвать синонимичным параллелизмом, в нашем тексте наблюдается еще другой, заключающийся в сопоставлении двух понятий, между которыми проводится некоторая аналогия и который условно можно назвать апалогичным параллелизмом.

Примером последнего является следующее:

ölenggün ebes-ün ölengjire kürbe öner sadun egüsür-e [kü]rbe Трава лужайки стала сочнеть, близкие друзья стали уходить! И далее:

arula-yin ebes-ün alančilar-a kürbe aqa degü ečir-e kürbe Горные травы начинают становиться лужайкой, братья начинают отправляться.

Переходя к вопросу о количестве стихов в строфе, укажем, что вышеприведенная строфа *ebčigün-ü činu üsüken* и т. д. состоит из четырех строк. Такое же четырехстишие представляет собою следующая строфа:

На ряду с четверостишиями мы встречаем также строфы, содержащие до шести строк. Таковы, напр., следующие:

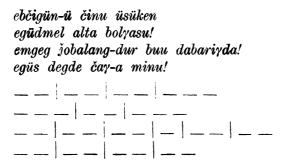
[[ačitu]] e.en-e simuryu`u kürbesü arqayun dora una, u ög! arqayun dora unaba [keme.`ü] ariyaju kürcü yayu keb[tegdekü? ači]tu sayin ejen[-e inu]
[[.....`u.....ju abtaqu či čay-a minu!]] qarayun ejen[-e inu] simuryuju kürbesü qa[yaly]a dora unaju ög! q[ayaly]a dora unaba kemejügü. yayu kebtegdekü? qaraju üyejü yayu kebtegdekü? qaraju aysan ejen-e inu qamuju quriyaju abtaqu či čay-a [m]inu!

Как видно, здесь и в смысловом отношении и со стороны внешней формы некое единство образуют строфы, состоящие из шести строк.

Таким образом мы видим, что наш текст содержит весьма типичные и для современного стихосложения стихи: аллитерация, внутренняя аллитерация, параллелизм, строфы из четырех и шести стихов — все это является характерным и для современного стихосложения. Текст рукописи является, таким образом, важным свидетельством того, что с внешней стороны монгольский стих за истекшие шесть столетий не претерпел каких-либо изменений, что, следовательно, монгольская народная песня, в частности, оказывается со стороны внешних поэтических приемов весьма консервативной. Об этом свидетельствуют и древнейшие эпические и лирические отрывки, вошедшие в «Сокровенное сказание» и в более поздние летописные сочинения.

Как известно, количество слогов в монгольском стихе на протяжении одной и той же песни или героико-эпического произведения подвержено колебаниям и не отличается большой выдержанностью. Эта невыдержанность стихотворного размера нашего текста значительно большая, чем в более поздних произведениях.

Возьмем для примера следующее четверостишие:

Здесь количество слогов в разных стихах разное: в первом — 9, во втором — 8, в третьем — 11, в четвертом — 8. Обычным же количеством слогов монгольского народного стиха является семь или восемь.

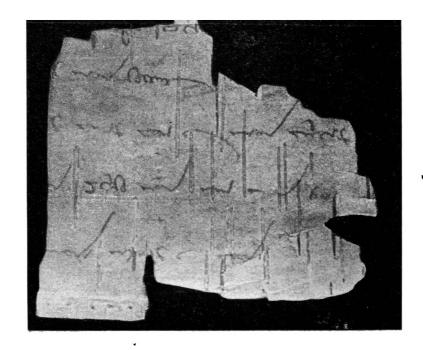
Несколько иная картина получается, если эту строфу читать не в соответствии с орфографией письменного языка, но применительно к живому произношению:

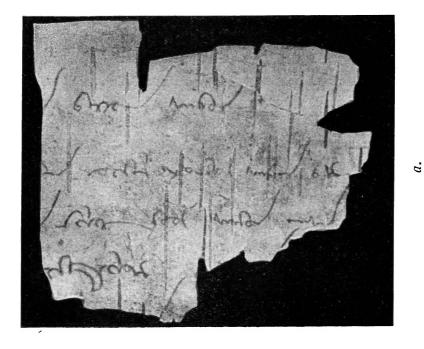
üdmel emgeg	•	
•		
-	<u> </u>	1
<u>'</u> —		1
<u>′</u> –	<u>'</u>	1-1
,	,	i

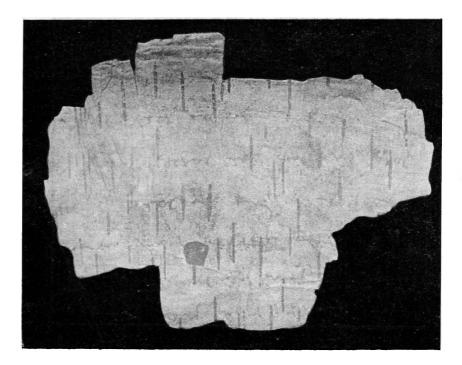
Здесь количество слогов во всех стихах более или менее одинаковое: в первом — 7, во втором — 7, в третьем — 8, в четвертом — 7.

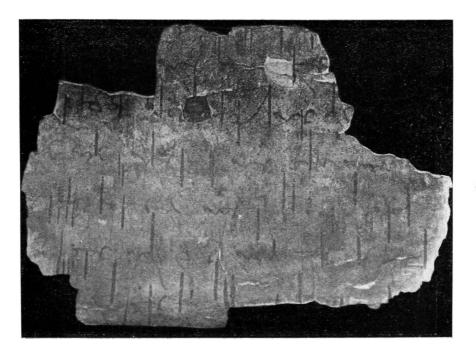
На основании этого можно высказать предположение, что стихи вроде приведенного, уже в эпоху XIV ст. должны были читаться не на письменно-монгольский лад, но на разговорный: лишь в последнем случае получаются стихи с более или менее постоянным количеством слогов. Так как в начале XIV ст. уже наметилось стяжение двух слогов в один долгий по исчезновении γ и g, то такое предположение не лишено вероятности.

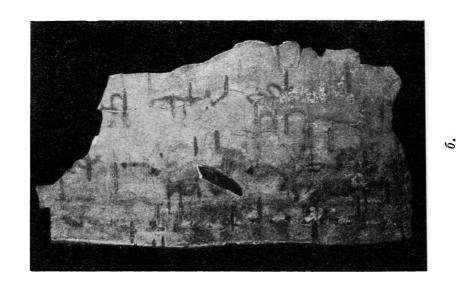

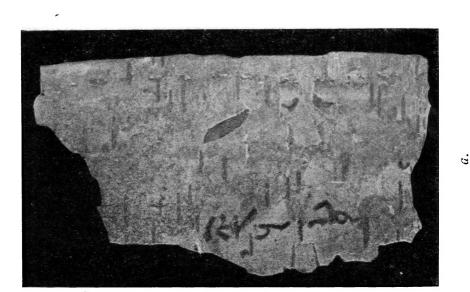

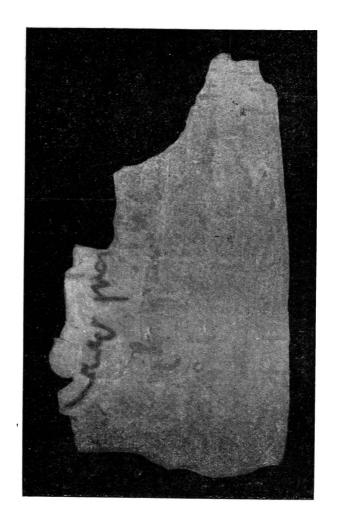

=

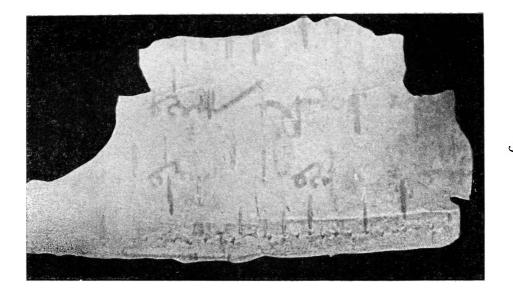

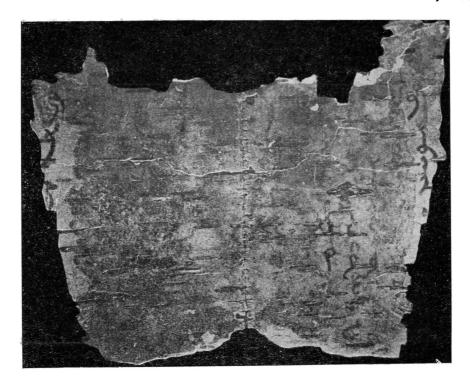
..

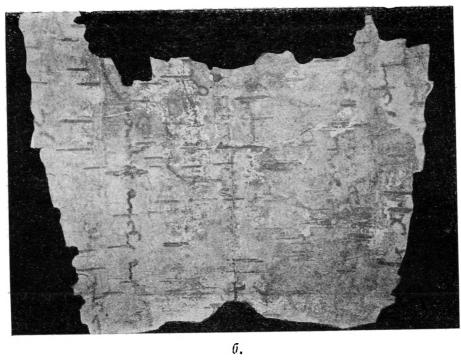

0

•

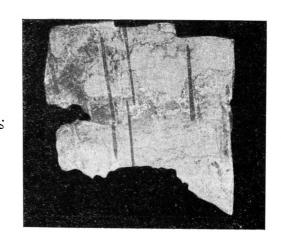
a.

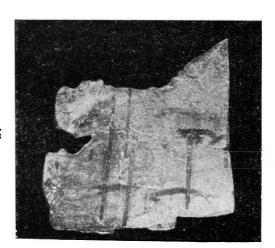

 θ

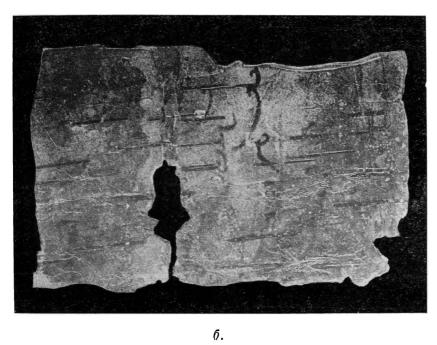

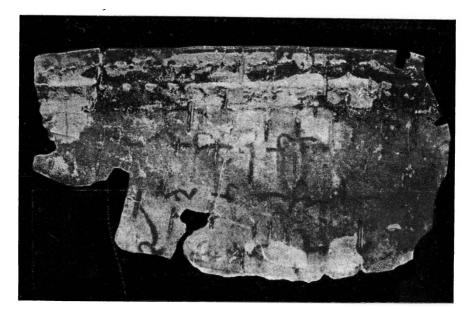

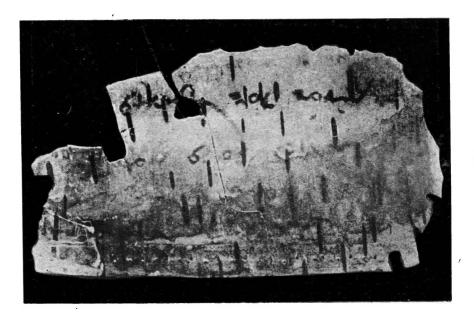

a.

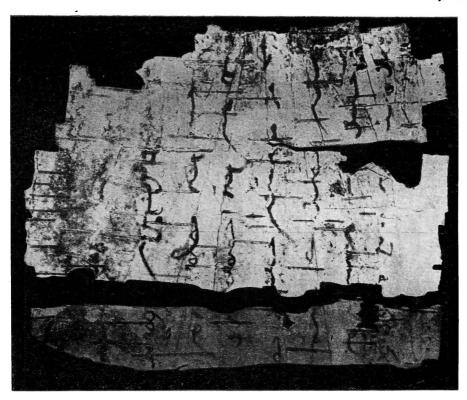

ć.

a

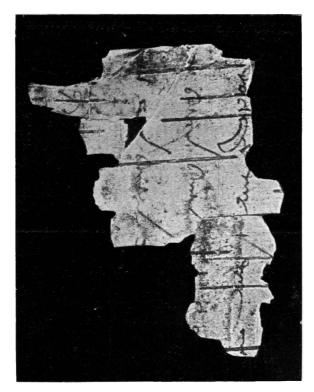

a.

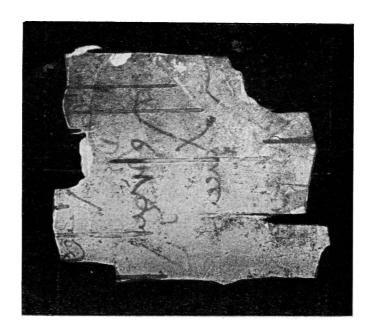

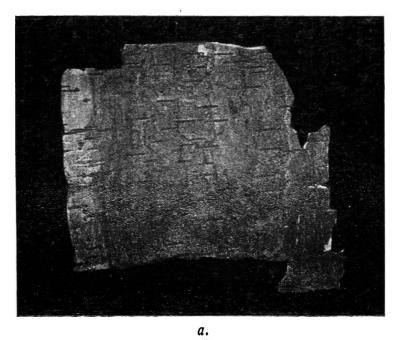

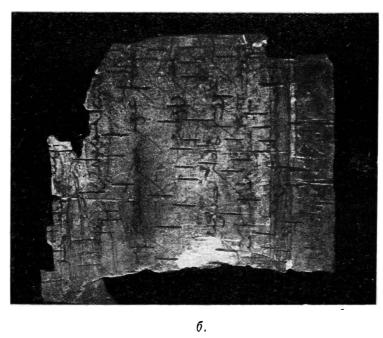

α.

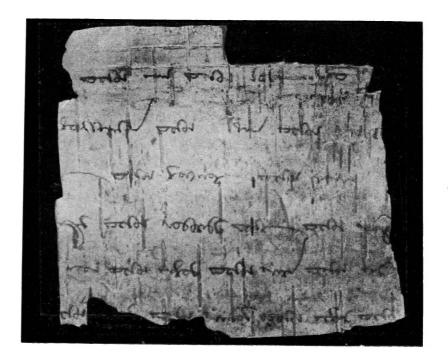

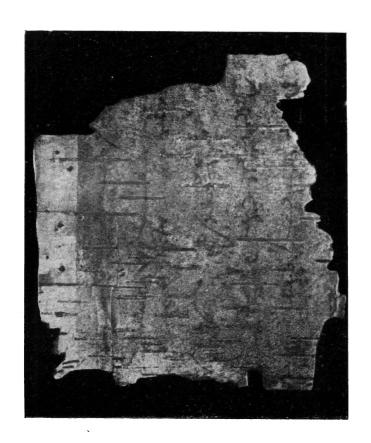

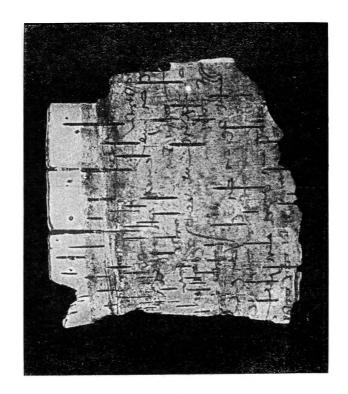

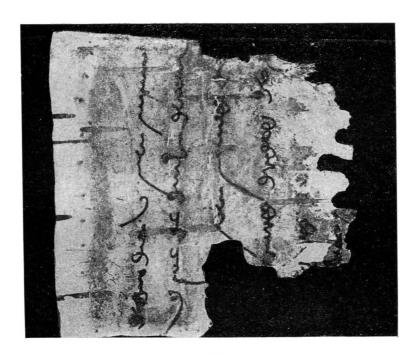

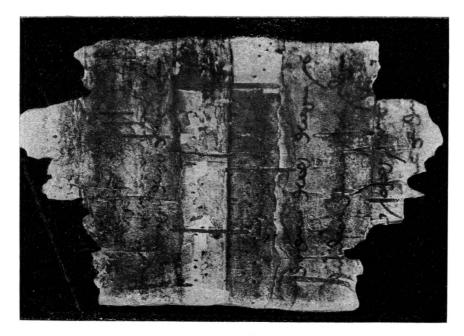
α.

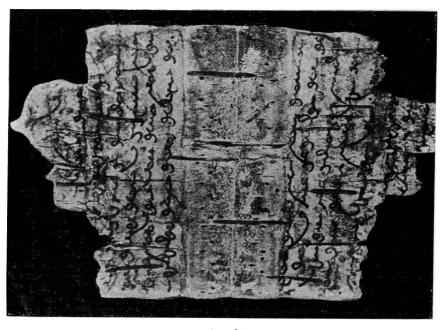

а.

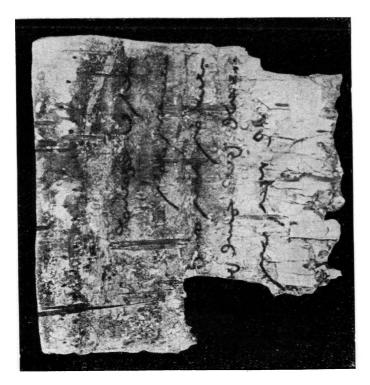

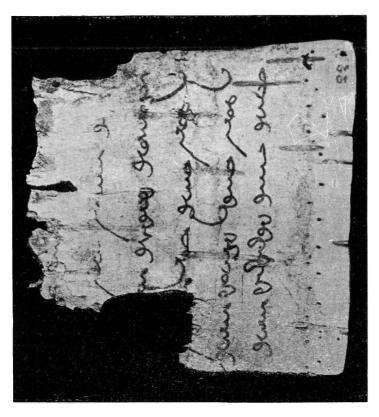
а — б.

в — г.

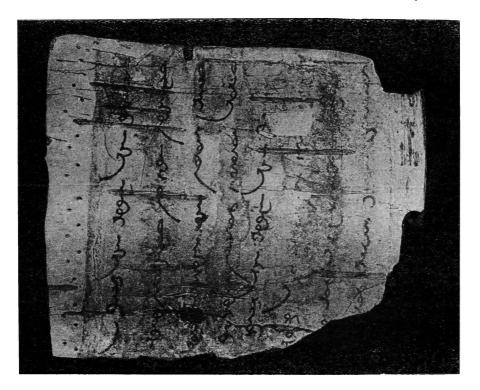

α.

а.

